

Дети Ра

журнал поэзии

2 (201)

2023

Международный журнал поэзии Союза писателей XXI века

Дети Ра

Сайт журнала <http://www.detira.ru>

ИЗДАТЕЛЬ

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(Генеральный директор Евгений Степанов)

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Александр Файн
Сергей Филатов
Зураб Церетели

РЕДАКЦИЯ

Евгений Степанов (главный редактор)
Анна Романюк (1-й заместитель главного редактора)
Юрий Милорава (заместитель главного редактора)
Фёдор Мальцев (редактор отдела поэзии и критики)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Алексей Александров (Саратов)
Юрий Беликов (Пермь)
Мария Бондаренко (Лозанна, Швейцария)
Сергей Бирюков (Халле, Германия)
Александр Давыдов (Москва)
Константин Кедров (Москва)
Юрий Милорава (Москва)
Евгений Минин (Иерусалим, Израиль)
Арсен Мирзаев (Санкт-Петербург)
Юрий Орлицкий (Москва)
Сергей Попов (Воронеж)
Елена Сафронова (Рязань)
Андрей Таёров (Москва)
Евгений Харитонов (Москва)
Атнер Хузангай (Чебоксары)
Элана (Саратов)

Автор обложки — Мария Губарь

Компьютерная верстка — Ирина Ракитина

Телефон редакции: тел./факс: (495) 978-62-75

E-mail: stepanovev@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Евгений СТЕПАНОВ.....	5
-----------------------	---

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА НА КАРТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ

Нина КРАСНОВА. Не ради моды. Стихотворения.....	6
Любовь БЕРЁЗКИНА. Ничего, мы справимся. Стихотворения.....	17
Евгений СТЕПАНОВ. Стихотворения из готовящейся книги «Преодоление».....	20

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Наталья РАЗУВАКИНА. Стеклянный шар. Стихотворения.....	31
Эльвира ЧАСТИКОВА. Без иллюзий. Стихотворения.....	33
Ирена САНС. На перекрестках вселенной. Стихотворения.....	35
Вадим МУРАТХАНОВ. Обычный день. Стихотворения.....	37
Анатолий АВРУТИН. Я и ты. Стихотворения.....	41

КОРОТКАЯ ПРОЗА

Вячеслав ХАРЧЕНКО. В южном городе. Рассказы.....	51
---	----

АФОРИЗМЫ

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ. Афористика	59
---	----

ДНЕВНИК РЕДАКТОРА

Евгений СТЕПАНОВ. Февраль — март 2023	61
--	----

ШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. «Я откроюсь тебе...» (155 лет К. Д. Бальмонту)	64
---	----

NOTA BENE: КНИЖНАЯ ПОЛКА СЕРГЕЯ БИРЮКОВА

Прочитанные книги:

Жан-Филипп Жаккар, «Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности»;

Ольга Буренина-Петрова, «Цирк в пространстве культуры»..... 75

РЕЦЕНЗИИ

Книги читали:

Ольга ЕФИМОВА (Юрий Казарин, «Божья верста»)

Александр БАЛТИН (Юрий Окунев, «На перепутье»)

Ольга ЕФИМОВА (Вера Панченко, «Стан») 77

Уважаемые коллеги и читатели!

Поэзия — основная линия журнала «Дети Ра».

Но иногда мы все-таки печатаем и короткую прозу, и даже афоризмы. В этом вы легко убедитесь, прочитав новый номер журнала.

Работа продолжается.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Нина КРАСНОВА

НЕ РАДИ МОДЫ

ЗЕМНЫЕ БЛАГА

Вот они, мои земные блага:
Комнатка с окошками на Русь,
Стол, перо да чистая бумага,
Над которой вволю наревусь,

Да тропа до леса и до луга,
Где гулять привычно мне одной,
Да открытка от милого друга,
Да письмо от матушки родной.

Вот они, мои земные блага.
Только ими жизнь и хороша.
Рядом с ними все иные блага
Для меня не стоят ни гроша.

Нина Краснова — поэт. Родилась в Рязани. Стихи пишет с семи лет. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Евгения Долматовского). В 1979 году выпустила первую книгу стихов «Разбег» (в «Советском писателе») и была принята с нею в Союз писателей СССР. Печаталась в журналах «Юность», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Студенческий меридиан», «Крокодил», «Обозреватель», «Время и мы» (Нью-Йорк — Москва), «Наша улица», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Другие», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Московский год поэзии», «Истоки», «Кольцо А», «ЛитРос», «Русский смех», «Муза», «Эолова арфа», «Золотое руно», «Литературные знакомства», «ЛиФТ», «Яблочный Спас», «Литературная Рязань», «Под небом рязанским», «Чаша круговая» и т.д., в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Книжное обозрение», «День литературы», «Слово», «Экспресс-газета», «Литературные известия», «Поэтоград», «Литературная гостиная» и т.д., в разных коллективных сборниках и антологиях, в том числе в антологиях «Поэзия. XX век», «Поэзия. XXI век», «Жанры и строфы современной русской поэзии». Автор более 20 книг стихов и эссеистической прозы. Главный редактор альманаха «Эолова арфа». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века, Русского ПЕН-клуба. Лауреат премий им. Анны Ахматовой, Де Ришелье «Изумрудный Дюк», «Янтарный самородок», «Писатель XXI века», номинант и лауреат премии «Парабола», обладатель спецприза Фонда им. Андрея Вознесенского «За талант».

ОТКРЫТКИ С ФОТОВИДАМИ ПРИРОДЫ

Я так любила собирать когда-то,
Не скуки ради и не ради моды,
Открытки с фотовидами природы —
Любые, в оформлении любом.
Хотела завести для них альбом.

Я так любила представлять когда-то,
Что буду в теремковой жить избушке,
В лесу не очень страшном, у опушки,
Под окнами подсолнухи сажать,
А в город только в гости приезжать.

*15 февраля 1980 г.,
Солотча, турбаза*

ЧЕРНОЕ ПЛАТЬЕ

Свой не бабий, не женский, а девичий стан
Облачаю в закрытое черное платье,
Добровольно вступаю в монашеский сан,
Ставлю свечку Христу и целую распяты.

Мне не надо мирских удовольствий, мерси,
Жить отныне без них — принимаю решение,
Буду траур носить по умершей Руси,
Буду Бога молить о ее воскрешенье.

**УТРЕННЯЯ ВНУТРЕННЯЯ ПЕСЕНКА
ЧЕЛОВЕКА ТОЛПЫ**

Иду внутри метро со скоростью толпы.
Не ездят на метро отечества столпы.
Над уровнем земли сидят они в верхах
И роются в деньгах, в огромных ворохах,
И ездят по делам на всяких БМВ.

Дворцов, особняков настроил им Бове,
Но новый русский там порядок и уют,
И там глясе столпам на блюде подают,
И счастье, как глясе, на блюде подают.
И кто-то из низов ползком ползет к столпам,
Чтоб посмотреть на них и к их припасть столам*.
Не ездят на метро отечества столпы.
Им непонятна жизнь людей толпы.

ИОСИФ БРОДСКИЙ

*...и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.*

Иосиф Бродский

Свой ленинградский Питер бросив,
Сев на «кораблик негасимый»,
В Москву, в Москву приплыл Иосиф,
Негласный весь, неогласимый.

Он поселился на Ордынке,
В обнимку жил с особняками,
И с Ардовым бродил на рынке,
И говорил обиняками.

За ним гонялись люди в штатском,
В нем, компроматном, каждый рылся,
И Бродский в колпаке шутатском
От них от всех в психушке скрылся,

Но пойман был и в ссылку сослан —
За преступленье быть поэтом.
Был горек хлеб его и солон
И дефицитен был при этом

* Вариант с рязанской солотчинской поговоркой:
Чтоб в ж. плюнуть им и к их припасть столам.
Есть поговорка: они (или он, кто-то из них) так высоко, что в ж.пу плюнуть не достанешь.

Кто дал его Фортуне ядец,
 Тип нехороший, бр-р, уродский,
 Считал, что Бродский — тунеядец,
 Что не поэт — Иосиф Бродский.

Нам не слышны поэта «охи».
 Удобен для обозреванья
 Культурнейший поэт эпохи
 Без высшего образования.

Сев на «кораблик негасимый»,
 Пальмиру Северную бросив,
 По миру на волнах носимый,
 Весь лаврами оброс Иосиф.

ПАМЯТНИК ЗУРАБА ЦЕРЕТЕЛИ ПЕТРУ ПЕРВОМУ НА КРЫМСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ В МОСКВЕ

Не о бренном волновался царь о теле —
 О России, просыпаясь поутру,
 Волновался. Это понял Церетели,
 Воздвигая вечный памятник Петру.

Пётр великий в треуголке, сам с усами,
 Ничего не оставляя на потом,
 По Москве-реке плывет под парусами,
 Он плывет своим реформенным путем

(Хоть лежат и так и сяк пути, и этак).
 Помаша Петру рукою с мачты ты.
 Претворяет Пётр не планы пятилеток
 В жизнь страны — свои проекты и мечты.

С ним любовь крутить готовы все модели,
 Целовать ему глаза его и лик.
 Пётр великий — он великий в самом деле,
 Он и ростом, и деяньями велик.

Нет других ему подобных вариантов.
 Не для слабых, не для хилых он умов.
 Он стоит на фоне мачт, на фоне вантов,
 Видный издали со всех семи холмов.

Пётр указы сам пером писал-корябал.
Петр упрям, и крут, и весь в свое уперт.
Знает Пётр, куда вести ему корабль,
И куда вести Россию, знает Пётр.

ПАМЯТНИК ВЕНЕДИКТУ ЕРОФЕЕВУ НА ПЛОЩАДИ БОРЬБЫ

Это Веничка вот Ерофеев
С заплетающимися ногами,
Всех за пояс заткнув корифеев,
Под дождями стоит и снегами.

В варианте из бронзы отлитом,
Столько выпивший на посошки,
Он не выглядит внешне атлетом,
Автор книги «Москва — Петушки».

Он, вращавшийся в мире богемном,
С пьедестала глядит на вазоны,
И ему представляются гимном
Алкольно-бутыльные звоны.

На участке, от мэрии данном,
Он похмельный стоит, не хандрит,
Он с потертым стоит чемоданом,
Жизнь свою в чемодане хранит

Рукописную.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Я скромнее самой девушки скромной,
На великий Пост не ем еды скоромной,
И от мысли о грехе впадаю в трепет,
Хоть господь грехи людские как-то терпит.

Я привыкла даже в мыслях поститься,
 На запретный плод не смею, ах, польститься.
 Жизнь моя — один сплошной великий Пост.
 Я за Пост произнесу на Пасху тост.

У таких, как я, у девушек скромных
 Не бывает даже мыслей скоромных
 И желаний быть не может скоромных.

ПРОЩАНИЕ У БОРИСОВСКОГО ПРУДА

Я смотрела с прибрежной площадки, слегка опершись
 на перила,
 Ощущая себя не невестой твоей, а веселой вдовой,
 Как над прудом Борисовским белая чайка летала, парила,
 Самолетиком белым бумажным над светлой, зеленой водой.

Я ботинками вляпалась в грязь, в жидковатую черную кашу.
 Грязь прилипла кусками к подошвам моим, к каблукам.
 Мне хотелось в пруду утопить отношений
 законченность нашу,
 И хотелось в небесную сферу взлететь высоко, к облакам.

Жизнь чему-то полезному с детства и с юности
 нас научала,
 И не плакать, а петь для поднятия тонуса песню, ля-ля.
 Мне хотелось веселую песню запеть, не с конца,
 а с начала,
 В жизни все — и уже без тебя — начиная по-новой, с нуля.

НИЧЕГО НЕВОМОЖНО ВЕРНУТЬ

*Я о прошлом уже не мечтаю...
 Русский старинный романс*

Мне печалиться что за нужда?
 Я не хлебом с водою питаюсь.
 Я о прошлом жалею? Ну да.
 И о встречах с тобою? Ну да.
 Но вернуть ничего не пытаюсь.

Мне бы взять да к тебе бы рвануть,
Чтобы выпить с тобой лимонада.
Ничего невозможно вернуть?
Ничего невозможно вернуть.
Ничего возвращать и не надо.

ЦАРИЦЫНСКИЙ ПРУД С ОСТРОВОМ РУСАЛОК

Очищен от грязи старинный Царицынский пруд, водоем,
Собою в себе отражающий нечто большое и вечное.
...На остров Русалок давай заберемся с тобою вдвоем,
В себе ощущая друг к другу движение сильное встречное.

Мы оба любимся (с берега в плиточках) видом одним:
Водою и островом (в центре) с деревьями (с чистыми),
с ивами.
...Я буду на острове этом русалкою, ты — водяным.
Мы будем на острове этом такими (наверно) счастливыми.

ВЕЧЕР В «САППОРО»*

Анатолию Шамардину

Вы милы, нарядны, кареоки.
Громкий микрофон у вас в руках.
Вы поете мне под караоке**
О любви на разных языках.

И в роскошных стенах ресторана
(Жаль, что он наполовину пуст)
Так приятно слышать мне и странно
Это все от вас, из ваших уст.

* «Саппоро» — японский ресторан для состоятельных людей и медийных лиц, который в 90-е годы находился на проспекте Мира и в котором работал Анатолий Шамардин, пел там по вечерам японские песни и другие песни народов мира, в том числе и русские. — *Прим. Н. К.*

** Караоке тогда в Москве было большим новшеством. — *Прим. Н. К.*

И, пьяна не от вина и чая,
Все признанья ваши я ловлю,
Вам глазами молча отвечая:
«Я люблю тебя и айлавью...»

РУССКИЙ ГРЕК

Анатолию Шамардину

Ты по генам — и русский, и грек.
Мне в тебя не влюбиться — грех.
Ты удачный такой гибрид —
Все об этом в тебе говорит,
И характер, и внешность, и рост.
Ты и прост, но и очень не прост.
Ты — особого лада и склада.
Русь в тебе говорит и Эллада...

БУМАЗЕЙНАЯ РУБАШКА

А. Ш.

Моя квартира — вроде как музейная.
Один артист нанес сюда визит.
Его рубашка бумазейная
В моем шкафу на плечиках висит.

Артист прижился этот у меня
И в роли друга здесь полгода жил,
Удачно амплуа свое сменя,
Он новой ролью очень дорожил.

Теперь артист уехал на гастроли
И, нет, не разменялся на херню,
В какой не знаю выступает роли,
Но память об артисте я храню.

Из этой он посуды ел
И в чашку сахар насыпал,
За этим он столом сидел,
На этом стуле он сидел,
На этом он диване спал...

Моя квартира — вроде как музейная.
Один артист нанес сюда визит.
Его рубашка бумазейная
В моем шкафу на плечиках висит.

*26 апреля 1994 г.,
Москва, Перово*

СОЛИСТ УТЁСОВСКОГО ОРКЕСТРА 70-Х ГОДОВ АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН

1.

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

2.

Из оркестра Утесова ты — «тенорист»*.
Путь в искусство не прост у тебя и тернист.
И певца сладкозвучней не сыщешь окрест.
А плохого не взяли бы в тот оркестр.

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ

Анатолию Шамардину

Ты сладкозвучно песню пел о ямщике.
Слеза слезала по моей щеке,
Прозрачную букашкой слезала.
Собака языком слезу мою слизала,
Чтоб я не плакала об этом ямщике.

* «Тенорист» — тенор, устар.

Ямщик «в степи глухой» под снегом замерзал.
Весь радиоэфирный замер зал,
Героя происшествия жалея
И знать во всех, во всех подробностях желая,
Как он «в степи глухой» под снегом замерзал.

Я песню слушала твою о ямщике.
Слеза слезала по моей щеке.

СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

*Диагноз, поставленный врачами Сходненского морга
новопреставленному Анатолию Шамардину:
острая коронарная недостаточность.*

Человек с сердечной избыточностью
и избыточной сердечностью
чувств
ко всему миру
умер от сердечной недостаточности
и от недостаточной сердечности
чувств
этого мира к нему.

*3 мая 2014 г., 16:00,
Сходня — Москва*

РЯЗАНЬ

Я в Рязань недавно ездила.
У меня в Рязани есть дела:

Повидать свою дражайшую родню
(Я всегда такому рада дню),
Детский мир ушедший посетить —
И ему потешку посвятить,

И не дать себя кому-то освистать,
И с Есениным гранитным рядом встать
На одну почетную доску,
В «Кока-коле» утопив свою тоску,

И, не думая кого-то там сердить,
Памятник себе соорудить,
Свой, нерукотворный, весь из книг,
Свой, из всех моих невыпущенных книг
(Я сказать не знаю как о них).

Я в Рязань недавно ездила.
У меня в Рязани есть дела.

ПЕТИЦИЯ

Я напишу всевышнему петицию
О том, что быть хочу свободной птицею,
Не подчиняться никаким начальникам,
Начальникам — печалей накачальникам.
Я по корням и по всему — рязанка,
Певучая такая, как зарянка.
Хочу летать в пространстве, где хочу,
Клевать какую бог пошлет харчу,
Над сферой поднебесною парить
И песни петь и ими покорить
Всех меломанов, стихоманов всех.
А что плохого в перспективах в сих?
Я песни петь хочу не по заданию...
И совершать турне по мирозданию.

Я напишу всевышнему петицию
О том, что быть хочу свободной птицею.

Любовь БЕРЕЗКИНА

НИЧЕГО, МЫ СПРАВИМСЯ

* * *

кто идет? тьма,
перец и куркума
что несет? персть,
жилы, ребро, шерсть
где спрячем свет?
там, где ответа нет,
во льне, ячмене, во ржи,
ча-ща, чу-щу, жи-ши

* * *

ничего, мы справимся, — говорит, —
это древолиственный алфавит
пьет из гнезд пчелиных и птичьих сот
Неопалимую, а не пот,
Нерукосечную, как скала,
Светоприемную, из горла,
а напьется, выйдет в ночи гудеть.
кто пожалеет нас? только смерть

Любовь Берёзкина — поэт, музыкант. Родилась в Ленинграде. Псевдонимы: Александр Верес, Вирель Андел. Место проживания: Германия, Мендиг. Публиковалась в журналах, газетах и сборниках, в том числе: литературный журнал «Викинг — литературный Новгород», «Невский альманах», альманах «Откровение» (Ивановский отдел СПР), сборники под редакцией В.Ф. Чернова «Здравствуй, муза» и «Свет зари», а также сборники издательства «Норд-ост» (Санкт-Петербург) «И звезда с звездой говорит» и «Русь, взмахни крылами», «Антология русскоязычных поэтов — 2000» (Мюнхен), антология «Прощание с Вавилоном. Поэты русского зарубежья» (2014), альманах «Третий этаж» (Берлин, 2018), журналы «Берега. Берлин», «Крещатик», «Русский глобус», «Твоя глава», «Семь искусств», «Ренессанс» (Киев), «Парус», «Сетевая словесность», «45 параллель», «Поэзия.ру». Книга «Раскрыть стихотворение и взять...» (изд. «Стеклограф», Москва 2020), «40+» (изд. Евгения Степанова, Москва, 2023). Финалистка Международного конкурса им. И. Н. Григорьева (Санкт-Петербург) 2014 года.

* * *

И потянет холодом изо всех щелей, нор и дыр,
точка–точка–точка–тире–пунктир,
на воде круги, на стекле следы тут и там,
это потому, что я тебя не отдам
ни воде, ни суше, ни ветру, ни тем, что в них,
лучше слушать стужу в бессонных глазах твоих,
зажигать ей свечи, печку топить, печь хлеб,
слово покачивать, засыпать рядом, в тепле

* * *

почудится: свет слеп,
послышится: слеп, глух,
но есть на столе хлеб,
фасоль и простой лук,
но нет за столом нас,
сквозняк приоткрыл дверь,
и тысяча лет — час,
и каждый второй — зверь

* * *

трава,
словно щетка,
желта
и суха,
всю ночь,
как чечетка —
озноб
и ольха.

и свет
плыл и падал,
был волком
до слез,
и шел
дым из ада
сквозь рожь
и овес

* * *

Дни спотыкаются снова и снова,
в темной утробе толкается слово —
маленький свой имярек,

скоро наденет ботинки и шапку
и во дворе наберет на лопатку
маленький розовый снег

* * *

ничего ни о ком,
ни о чем никому,
никого снежный ком
не утянет во тьму,
и свеча на окне
сквозь ночной антрацит
все мерещится мне
и горит, и горит

Евгений СТЕПАНОВ

**СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ КНИГИ
«ПРЕОДОЛЕНИЕ»**

НЕ ЗАБЫВАЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Это осень, и травы пожухли, и камин снт-шный потух.
И витает в резиновом гугле мой нелепый обугленный дух.

Я молчу, разве жизнь фигли-мигли, чтоб гудорить о ней впопыхах.
А мечты до сих пор не погибли — я чуть-чуть разбираюсь в мечтах.

А мечты, точно войско люпинов, оживают в апрельскую цветь.
И тоску-погремушку отринув, я пока не хочу умереть.

2016, 2018

ВЛОДОВ

Жил поэт великий Влодов.
Рядом жил поэт Уродов.

Процветал поэт Уродов.
Горе мыкал нищий Влодов.

Но стихи остались Влодова —
Не Уродова.

2019

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газетью» и премии журнала «Нева». Живет в поселке Быково (Московская область).

КАЛИ-ЮГА

Третий глаз прорастает большой гематомой
Сквозь асфальт толстокожего лба.
Всей земле улыбаюсь как старой знакомой,
Понимаю любого жлоба.

Разве буду роптать — на дворе Кали-юга,
И еще будет долго она править бал.
Разве я не увижу в противнике друга,
Разве мало я в небе лиловом летал!

1987

А КАК ТЫ ЖИЛ

— А как ты жил? — Курил, киял.
Поступки часто были гадки.
— Стрелял в кого-то? — Не стрелял.
Я даже не имел рогатки.

— А как ты жил? — Грешил, кропал
Стихи в компьютерной тетрадке.
— А часто выходил в астрал?
— Да, было с этим все в порядке.

— А как ты жил? — Страдал, терпел.
Боль никогда не покидала.
— А вел (хоть в мыслях?) на расстрел
Врагов? — Такого не бывало.

2022

ЭТА ЖИЗНЬ

Эта жизнь кричит: «Нажива — главный стимул для элит».
Эта жизнь несправедлива: сильный слабого схарчит.

Эта жизнь точь-в-точь крапива; жжет, и очень сильно жжет.
Эта жизнь несправедлива: не поможет рыжий йод.

Эта жизнь несправедлива: лучшие падут в бою.
Отчего же у обрыва я страдаю, но пою?

2022

ЭТОТ ГОРОД

Этот город гарью, горечью пропах.
Этот город плачет, стонет от бомбежек.
Но выносят люди кошек на руках,
Грустных и уставших от бомбежек кошек.

Кошки любят ласку, тишину, уют.
Кошки не поверят злыдню и прокуде.
...Мирным коридором беженцы идут,
Добрые, простые-непростые люди.

2022

НАДЕЖДА

Читаю сводки новостей —
И ничего не понимаю.
Я понимаю — *не убий*.
Я твердо знаю: это правда.

Я твердо знаю: тяжело
Добиться результата силой.
А зло похоже на добро
Бывает, к сожаленью, часто.

Читаю сводки новостей —
Победные хмельные сводки.
А люди умирают, кровь
Течет, пропитывая землю.

Я знаю, что такое смерть,
Страдание, болезни, слезы.
Я повторяю — *не убий*.
И не могу терять надежды.

2022

ПРИЧИНЫ

Война, и мысли в раскоряку,
И «москаляку на гиялку», —
Вопит безумный молодняк.
...Спешу послушать Подоляку.
Но говорит и Подоляк.

Душе пристроили пропеллер,
Мечтает улететь она
Отсюда, Ротшильд и Рокфеллер
Напишут вскорости бестселлер
О том, что им дала война.

Война гремит, ни на минуту
Не прекращается, и смуту,
И глад, и мор, смердя, несет.
А кто-то в сейф кладет валюту
И открывает новый счет.

2022

ПРАВ

мир наизнанку портянки пиф-паф
злобные вопли того кто не прав
неизменим человеческий нрав

2022

ЗА ВСЕ ОТВЕЧАЕТ ПОЭТ

война вина моя твоя ли
вой-на мы оба проиграли
война не знает где края
война вина моя моя

2022

ЖИЗНЬ-ДЕЖАВЮ

сизифу подстать и подстать муравью
и трепет и лепет и жизнь-дежавю

глаза-ай лав ю и глаза-никогда
и страх точно доллар берет города

и крах неизбежен и радостен прах
(уже как не прах) в неизвестных мирах

по кругу по кругу как стрелка часов
нельзя и песчинку закрыть на засов

2017, 2018

СПОКОЙНО

лицо лица и поцелуя влюбленность грешная зола
на тройке сильных чувств гарцуя я прикатил в обитель зла

спокойно — никаких истерик историк самого себя
живу не смят и не растерян и не влюбляясь а любя

любя — хочу свои года я прожить как лампочка светло
любя — любя — не осуждая — не отвечая злом на зло

2013, 2018

ДВА ЧЕЛОВЕКА

Он булку с маслом наворачивал, он пил беспутное пиво.
И х. груши околачивал, не только груши, жил легко.

А ты постился как помешанный, а ты работал за троих.
А ты сверкал своей проплешиной в библиотеках городских.

И не искал ни баб, ни выгоды, такой смешной анахорет.
И что теперь? Какие выводы? А выводов, простите, нет.

2011, 2018

МЕЖДУ СТРОК

Судьба — тик-так — известна. Пою: чирик-чик-чик.
Я выпорхнул из века двадцатого — на миг.

Я верю: в ноосфере не оседает грязь.
Я верю, что потери переживу — молясь.

Смирясь, скажу: «Спасибо!» Смеясь, скажу: «Я смог!»
И уплыву, как рыба, в пространство между строк.

2018

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА ДАЧЕ

Что надо делать? Собраться с мыслями — печку топить.
О, дорогие собратья, хватит друг друга топить.

Хватит лежать на диване, милости ждать от царя.
Лучше лежать на Диане (Тане) — вот это не зря.

Лучше создать на досуге новый какой-то проект.
Чтобы сказали в округе: «Das ist fantastisch! Perfekt!»

Ссоры и свары на кой нам? Лучше об этом забыть.
Что надо делать? Спокойно жить и творить, и любить!

2012, 2018

СТАНЦИЯ ПАРТИЗАНСКАЯ

Дача избегает городских заскоков.
Тихо — слышу сосен робкие шаги.
Над землей летает бабочка-Набоков,
Вырастают флоксы-Хлебников-Айги.

Тихо — слышу эхо праведного праха.
Тихо — в спячке лихо — оживает прах.
И сидит на ветке маленькая птаха.
И гипнотизирует будущего крах.

2015, 2018

ЕСЛИ

*«Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...»
Марина Цветаева*

С чем это связано? Надлом? Душевный губительный недуг ли?
Земля, которой бил челом, теперь напоминает угли.

По раскалившейся тропе иду, вспорхнуть-взлететь мечтая.
Но птицам, эльфам и т. п., увы, не ровня, не чета я.

Иду, согбенный от невзгод, нездешних вижу асфоделей.
И нервно вздрагиваю от не птичьих — телефонных трелей.

Не выбрать лучшую из троп. Судьба командует парадом.
И брейгелевский мизантроп идет, угрюм, со мною рядом.

И ложе жаркое Прокруст не против постелить рутинно.
Но если по дороге — куст встает — по имени Марина...

2022

НЕСКОЛЬКО ГЛАГОЛОВ

Не спешить, не ловчить, не смотреть злобный телек,
Не растрчивать ценное время на баб.
Памятуя, что жизнь полосата, как тельник,
Не хандрить, помогать тем, кто немощен, слаб.

Не курить и не пить, не летать в самолете,
Не иметь отпусков, не иметь выходных.
Понимать: наслаждение только в работе,
Позабыть о манке наслаждений иных.

Не бояться, уметь над собою стებაься,
Не бояться, пугливость в себе умерять.
Улыбаться, любить, понимать, не бояться.
Понимать: все равно час придет умирать.

2007, 2018

СОЛДАТ

Он вышел с поля брани
В заоблачный простор,
Невидимые длани
И в даль, и ввысь простер.

Из тела вылез ловко,
Как пес из конуры.
А смерть — командировка
В далекие миры.

2018

ГОРОД

Послать бы всех к Аллаху, уехать за Урал,
Рвануть в сердцах рубаху и крикнуть: «Я устал!»

Устал от мелких стычек, глаз, что глядят хитро,
От потных электричек и рвотного метро.

В эфире извращенцы, сосед горазд бухать.
И гром гремит, как немцы, и крыса жрет сухарь.

2007, 2018

ОСЕНЬ

Осень — как на открытке.
Я прочел, точно свитки,
Лето до запятой.
На собянинской плитке
Лист лежит золотой.

Лист лежит, умирая
На манер самурая.
Лист породист, как знать.
Осень — двери от рая
(Либо ада). Как знать!

Осень — город — кафешка
И чекушка. Я пешка,
А не ферзь, не ладья.
Слава Богу! Аз грешный
Никому не судья.

2016, 2018

ИЗ СТАРОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ТЕТРАДИ

Отель, и креолка нагая,
Лечу с нею в тартарары.
И ноги свои раздвигая —
Она раздвигает миры.

Я знаю: дорожкой порочной
Меня занесло на Pigalle.
А все-таки этою ночью
Не так беспощадна печаль.

1996

ПОСТУЛАТЫ

Жить, изучать матчасть, плыть — глубоко ли, мелко ли.
А зло не замечать — ну разве только в зеркале.

Быть, как трава, простым, забыть о гиблой выгоде.
И помнить: мы стоим — все как один — на выходе.

И помнить: вечный миг дарован нам Создателем.
И в диалоге крик совсем необязателен.

2016, 2018

В ЭТОМ ВЕКЕ

В этом веке смурном, окаянном
Я держусь, как могу, на плаву.
По сравнению с Дедом Хасаном
Я неплохо, нормально живу.

Я надежду лелею и холю
И фортуну не хаю свою.
И, шагая по минному полю,
Я веселую песню пою.

2017

КОЛЫМАГА

Скрипит колымага моих полушарий
И катит — незнамо куда.
Чем юность безумней, тем старость кошмарней.
Так было и будет всегда.

Тревога — добраться до койки — немного
Желаний по жилам течет.
Свобода? В пределах нелепого блага.
И пряники наперечет.

А все же — спасибо, за чуткое слово,
Которое точно женьшень,
За каждую ночь, не лишённую крова,
За каждый отмеренный день.

2017, 2018

ПОЭТ

Высший уровень успеха —
Неуспех (успех — позор).
Это ухо, это эхо
Выстрелов судьбы — в упор.

2017

Наталья РАЗУВАКИНА

СТЕКЛЯННЫЙ ШАР

* * *

Звездами, как монистами, звеня,
Проходит ночь. Не спрашивай меня,
Когда и почему тебя оставлю.
Луна висит, как Бога третий глаз.
Она одна меж нами и про нас —
Клеймом и сталью.

Порочно, прочно — просто хорошо.
Межстрочно и межреберно вошел
Не в лоно — в темя.
Не спрашивай, когда совсем твоя,
Когда с меня слетает чешуя,
Как жизнь не с теми.

Я ничего тебе не говорю,
В твоих ладонях звездочкой горю —
В траве и в лете.
Не спрашивай — оставлю, не оста...
Все набело с зеленого листа,
И спи как дети.

Все набело, на снег, на тишину,
На память и на паперть, на луну,
На рыбью стаю.
А я тебе — озерная вода.
И никогда не денусь никуда.
И не оставлю.

Наталья Разувакина — поэт. Родилась в Хабаровске, долгое время жила на Урале, работала на городском радио Екатеринбурга, в различных СМИ. Публиковалась в литературных журналах «Новый мир», «Зинзивер», «Урал», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Плавучий мост», «Кольцо А», «Дальний Восток» и др. В 2018 г. стала победителем в международном конкурсе русскоязычной поэзии «45 калибр», в 2020-м в московском издательстве «Арт Хаус медиа» вышла книга «Быстрая Синева». Живет в Переславле-Залесском.

* * *

хорошо тебе травинка
не затопчут так живи
и еще одна травинка
и еще одна травинка
дети Божией любви
смотрит в неба половинку
целым небом тополек
сына-сыночка-кровинка
на конце стрелы кровинка
легче ветра ветерок

* * *

В нашем стеклянном шарике — тишина.
Тихие ветви — замершие ручьи.
Линза небес, спрятанная страна.
Только свои. И мы здесь — ничьи-ничьи.

Кто на ладони держит стеклянный шар —
Шагом ответным знаем, как чуем снег,
Не просыпаясь, теплым родством дыша —
И ни который час, ни который век.

Может, он с крыши катит, летит с горы,
Может — уже не может, осталось чуть.
Мелко и дробно треснувшие миры
Снегом осели, севером вне игры —
Как тебе снилось, снилось, как я хочу.

Эльвира ЧАСТИКОВА

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

У Господа Бога мы все — на виду:
От крупных, невзрачных и до какаду
Эффектных и громких..., и даже без слов
Каких-то ползущих по стыку миров...

С простецким или с восхищенным лицом...
Ненужными быть невозможно с Отцом,
Что любит своих стрекозу, муравья,
Которые, собственно, — ты или я.

НАША ЖИЗНЬ

Ума с годами у людей
Не прибавляется никак.
Что им — любовь?! Они идей
Хотят... и лозунгов, и драк.

Мир узнавать — не от травы
И сердца, не от яблонь-груш,
А от гадалок и молвы,
Передовиц газетных — вруш.

Эльвира Частикова — поэт. Родилась на Калужской земле, в бывшей усадьбе Павлищев Бор, где в послевоенные годы размещался детский дом, в котором родители работали воспитателями-педагогами. Закончила библиотечный факультет МГИК, всю жизнь проработала на одном месте, заведя читальным залом центральной библиотеки Обнинска. Ее стихи и проза публикуются в российской и международной периодике, она — автор 27 книг, из которых 20 — поэтических. В творческом дуэте с Владимиром Овчинниковым Эльвира пишет поэтические тексты, сопровождающие почти все работы известного художника-стенописца в г. Боровске. Она — член Союза писателей РФ, первый Лауреат литературной премии им. М. Цветаевой (1998) за поэтический сборник «С натуры», Лауреат поэтических конкурсов «Ода огороду», «От фонаря» (Тольятти, 2022), «Человеки и коты» (Тольятти, 2023). Публикуется в России и за рубежом: в журналах «Москва», «Октябрь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «День и ночь», «Медведь», «Наш современник», «Волга», «Журнал ПОэтов», «Форум» (Канада), «Флорида» (Майами), «Всемирный день поэзии» (Нью-Йорк), на портале «Читальный зал», «45 параллель» и т. д. Лауреат Национальной премии «Культурное наследие» (2008) Министерства культуры РФ, Заслуженный работник культуры РФ.

Они берут у банков в долг,
Как быть — от власти ждут приказ...
И жизнь глядит на них, как волк,
Хотя прекрасна без прикрас.

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Любовь не может быть иллюзией,
Поскольку — адресна и внятна.
Я признаюсь себе и Музе, и
Читателям неоднократно.

Но от признания сердечного
Виновнику... спасаюсь, кстати,
Желая дня ему беспечного
И независимых симпатий.

Ирена САНС

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВСЕЛЕННОЙ

* * *

Слова вереницей спускаются с неба
Идут через пальцы идут через сердце
На белой странице они расстелились
Смеются и плачут
Надеются видят
И шепчут друг другу влюбленные в слово
В служении к ним я внимаю
И к Богу

2023

* * *

Невидимое поглощает
Превращает в обыденность
Втаскивает в объятия мира ценностей и
Безжалостно делает захват

2021

* * *

Вода и внутренний свет... Все остальное — уже излишество.

2018

* * *

— А где вы познакомились?

— Где-то на перекрестках вселенной.

2022

* * *

Постоянство в непостоянности

Определенность в неопределенности

Зависимость в независимости

Вадим МУРАТХАНОВ

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

* * *

С тобой все выглядит не так,
как принято: больней и резче.
Словно поднялся на чердак,
где спят диковинные вещи.

Какие странные часы:
в них стрелки (двадцать и двенадцать),
как сумасшедшие усы,
топорщатся и шевелятся,

со временем утратив связь.
Так жизнь мелькнет и растворится
в колодце безучастных глаз.
И дверь со скрипом затворится.

* * *

Попробуй, стань примерным мужем,
зарядку делай по утрам.
Широк был путь, а нынче сужен,
зато и освещен, и прям.

От них ни «ах!», ни взмахов веера,
фанфары туш не затрубят.
Их невнимательная вера
наградой будет для тебя.

* * *

Домой из городских очередей
обрывки судеб ты приносишь часто,
хотя еще ничуть не чародей
и не умеешь с ними обращаться.

Не сокрушайся — изобретено
другое средство делать жизнь счастливей:
миндаль, оливки, красное вино,
мохнатая картофелинка киви.

ДА, Я СКАЛА

Из Пола Саймона

Обычный день;
в глубоком темном декабре
я одинок.
Глядеть в окно на зиму готов я целый век —
на улицу, укутанную в снег.
Да, я скала,
я остров в океане.

Я огражден,
и неприступны стены,
их никому не одолеть.
И дружба не нужна мне — она рождает боль;
куда спокойнее с самим собой.
Да, я скала,
я остров в океане.

Любовь? Ну что ж,
ее отчаянье и слезы
давно лежат на дне души.
Все чувства отгорели и отошли ко сну —
и их будить я больше не рискну.
Да, я скала,
я остров в океане.

Мои тома,
стихи — надежней нет защиты;
я в них отныне как в броне.
Стены, потолок — пускай я одинок,
но мир не прикасается ко мне.
Да, я скала,
я остров в океане.

А скалы не скорбят;
а острова — не плачут.

ИЗ ЦИКЛА «ПОРТРЕТЫ»

1. ОТЕЦ

Есть у отца высокое кресло и свой парикмахер домашний,
восемь детей, несметное множество внуков.
Между двух тополиных стволов скамейку
никто не займет.
И елпигич* с рукоятью узорной
из-под подушки выглядывает.

Все наносное и лишнее
уходит из мира отца:
дальние родичи,
широкие людные площади,
шумный базар, заботы о хлебе и соли.
Русская речь покидает усталую память.

Рядом с ним посиди —
долг день, успеешь набегаться.
Влажные хрипы послушай
в бедном натруженном горле.
Муха бесшумно поверхность стекла изучает.
Плотно сомкнуты веки. Ступай.
Отец отдыхает...

* Елпигич — флажок с вращающимся полотнищем, разновидность веера.

2. ЛИДИЯ АНДРЕЕВНА

Сливаясь с паром,
плавится мороз.
Сугробов синие иголки
у школьного крыльца
покалывают зренья.

Печальная наставница с чертами
Пьеро, вооруженная гитарой,
проводит вечер памяти. Одно
окно освещено
во всей огромной школе.

Вокруг Андрей, Татьяна, Света с Колей.
Возможно ли, чтоб вера не погасла?
Закат за новую зарю не примут —
и года не пройдет, как снимут галстуки
и выбросят значки.

Приходит муж, чтобы романс исполнить.
Всего семь нот —
а за душу берет.
И ненадолго вспыхивает вера.

Но вот уже допет троллейбус синий,
все чаще Сева смотрит на часы,
и за окном стоит не наша эра.

3. КАТКОВ

Доктор Катков,
вырезавший мне гланды,
помню боль от твоих блестящих щипцов,
смутно — руки в рукавах белоснежных и плечи,
и совсем не помню лица.

Ветер колышет
желтые травы.
Полустертый портрет на гранитном камне
возвышается над оградками пациентов.

Анатолий АВРУТИН

Я И ТЫ

* * *

Сын русского слова, внук русской словесности,
Мне русская мука – молочная мать...
Зубами скриплю, угасая в неизвестности,
Словами давлюсь, не умея смолчать.
Где нету моста, прошагаю по жердочке,
Где птицы умолкнут, там я запою...
Словцо нацарапав на треснувшей форточке,
Гвоздем начинаю поэму свою.

По-русски сомненьями тягостно мучиться,
От русской печали хватив «первача».
...И кто там бредет, будто хворающая утица,
Крыло, что сломали, едва волооча?
А кто там поет, как свирель одинокая,
По-русски тоску вознося в небеса,
То «акая», то умилительно «окая»,
Немного по-скифски прищутив глаза?

А это Отчизною мучиться велено
Тому, кто по-русски поет о Руси.
И русская музыка, русским навеяна,
Все стонет, веля – ни о чем не проси!
И я не прошу... Ничего, что попрошено,
Ни счастья не даст, ни спасет в свой черед.
В сугроб упаду... И пусть русской порошею
Безвестный мой след навсегда заметет...

Анатолий Аврутин — поэт. Родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати четырех поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, шести книг переводов, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, международной премии имени Марины Цветаевой и многих других. Обладатель «Золотого Витязя-2022» в жанре поэзии. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Варна, Болгария), главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Указом Президента Беларуси награжден орденом Франциска Скорины (2019), а также одноименной медалью (2009). Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

* * *

Уже ничему удивляться не надо —
Ни слову, знакомому до мелочей,
Ни отзвуку света, ни отсвету взгляда,
Ни черной бездушности белых ночей.

Уже никакие волшебные звуки
Твой сгорбленный дух не поднимут опять.
Уже никакие ревнивые руки
Не смогут тебя у разлуки отнять.

Стреноженный ветер скрежещет железно
По черным колдобинам мерзлой листвой.
И сам на себя все глядишь нелюбезно,
Хоть в зеркале плещется луч золотой.

Что было бесспорным — давно уже спорно,
В гаданьях об этом непросто уснуть.
А где-то в земле наливаются зерна,
И вновь молоком наливается грудь...

Рыдает о крыльях бескрылая птица,
А ты, уходя за вселенский предел,
Гордишься, что все же сумел удивиться,
Чему удивляться вовек не умел.

* * *

Сумасшедшее время... Страна еще спит,
А когда пробудится от сна,
Будет черное солнце взметаться в зенит
И кроваво светиться луна.

И уже не шепнется, что все нипочем,
Прозревая, не бросишь: «Авось...»,
Если черное солнце стоит за плечом
И земная шатается ось.

Будет даже представить иное невмочь —
Только эти косые дожди,
Да кровавое утро, кровавая ночь,
И кровавая даль впереди.

И послышится голос тебе из угла,
Сквозь мерцание черных огней:
«Коль слепая Отчизна себя проспала,
Так чего теперь плакать о ней?

И куда ты собрался, наивный чудак?..»
А ты молча поднимешь ружье,
И пойдешь напрямки, через лес и овраг,
Помня доброе имя свое.

Даже думать не станешь — зачем, почему?
Разве солнцем надышишься впрок?
Просто молча шагнешь в эту смертную тьму,
Чтоб упасть головою в песок.

ДИПТИХ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

1

Пришло и пропало... Здесь я никому не судья...
Сегодня листва разлеталась уныло и шало...
Давно затоптали бессмысленный путь Бытия,
И что-то пропало... Немедленно что-то пропало.

Унылая осень сочится мне за воротник,
Ворота скрипят по-особому — нудно и ржаво.
Промокший листочек к оконцу бессильно приник,
И к женскому плачу бессильно приникла держава.

Куда эти птицы? И вправду, куда вы, куда?
Зачем, откурлыкав свое, до весны улетели?
Вдоль ржавого поля давно не идут поезда,
И черные вороны рыщут по белой метели.

А чей это посвист? А чей этот жалобный крик?
Неужто за грязным окном затаилось живое?
О чем это шепчет угрюмый, небритый старик,
Всем видом напоминая о волчьем простуженном вое?

Шагну осторожно... Старик мне в глаза поглядит.
Стук взгляда о взгляд... Даже что-то во мгле замелькало.
И голос отца все слышнее теперь из-под плит,
А маму не слышно... А мама ушла и пропала...

Я мог бы за ней полететь, но не знаю куда...
Все черное в белом — все белое нынче надели.
Снежинки кружатся, чтоб вскоре уйти навсегда,
И сгинет Отчизна среди черной вселенской метели.

2

Есть лишь свеча и руки... Все остальное — тлен,
Все остальное — мука, сдавленный крик в ночи.
Нет ничего светлее этих твоих колен,
Нет ничего багряней, чем огонек свечи.

Нынче слезам — раздолье... Хочешь-не хочешь — плачь.
Нынче последний пряник, завтра последний крест.
Сам себе утешитель, сам себе и палач...
Нет ничего угрюмей этих забытых мест.

Кто ты? В какие сроки кончится этот бред?
Не за грудки — за сердце брата хватает брат.
И на мольбы и стоны есть лишь один ответ —
Павшие не осудят, мертвые промолчат...

Вот и глядим, как в небе красным горит луна,
Как одичалый сумрак к женской слезе приник...
Светят твои колени... Колется тишина...
Все остальное в мире — только прощальный миг...

* * *

Зуб неймет, хоть видит око...
Кислый запах сигарет...
Ни Есенина, ни Блока —
Никого на свете нет.

Мы иного дети века,
Хоть и здесь во мгле бредем.
Те же дом, фонарь, аптека,
Клен опавший за углом.

Редкий чай хлебнув из кружки,
До окна дойдет едва
Одинокая старушка,
Что жива еще, жива...

На своем скрипучем стуле
Все гадают — правда?.. Ложь?..
Вдруг и вправду саданули
Сыну в сердце финский нож?

И с эпохою в раздоре,
В Храме прячась от забот,
Девушка в церковном хоре
Тоже где-нибудь поет.

Но вовек нам не простится,
Среди рухнувших держав,
Этот отсвет в наших лицах
Дня свободы, что кровав...

* * *

И не моя во всем вина,
И не твоя вина.
Хоть много выпито вина,
Все так же даль черна.

И нету в том моей вины,
И нет твоей вины.
Мосты меж нами сожжены,
До пепла сожжены.

И молча я гляжу в окно,
И ты в окно глядишь.
И ночь с тобою заодно,
И грозовая тишь.

И нечего промолвить вслед
Молчанью твоему.
И у тебя из окон свет
Плывет в ночную тьму.

Так и глядим — из темноты
Две боли — я и ты,
Хоть знаем — сожжены мосты,
Все сожжены мосты...

* * *

Январский день... Ненастная погода.
Мороза нет, лишь капли по стеклу.
И все в округе тайно ждет исхода
Того, что множит сумрачность и мглу.

Твердишь себе: «Случайное — случайно,
Счастливых встреч не больше, чем разлук...»
Погашен свет, но что-то светит тайно...
Беззвучно все... Но где-то зреет звук...

ДИСПЕТЧЕР. 50-Е

Эх, диспетчер... И слева, и справа
Гул да скрежет... Вздохнуть недосуг.
Мчат на север четыре состава,
И четыре состава на юг.

Посреди кутерьмы паровозной
О себе и не вспомнить никак.
Справа «скорый» грохочет нервозно,
Слева, цокая, мчит товарняк.

Невдомек им, несущимся с гулом,
Что случится, что произойдет,
Если этот диспетчер сутулый
Там, за пультом, немного вздремнет.

Смежив веки на четверть мгновенья,
Вдруг и вправду задремлет всерьез...
И скольженье вонзится в скольженье,
Рокот в рокот... И все — под откос.

Кто поймет в этой огненной хмари,
Среди скрученных рельсов и шпал,
Что ему надоеда-комарик
Перед сменой поспать помешал?..

* * *

Ты безмятежною была
И безмятежно говорила
Про нелетучие крыла,
Про побледневшие чернила.

Про то, что в полной тишине
Есть все равно такие звуки,
Что отзываются вдвойне,
Когда заплачется в разлуке.

И все смотрела сквозь меня,
Как сквозь открытое окошко,
Туда, где в знойном свете дня
Трусил медленная кошка.

А я, мятежностью больной,
Молился истово и нежно
За этот взгляд, за этот зной,
За этот голос безмятежный.

* * *

Привычно улица сутулится,
И непогоде нет конца.
Кургузый снег бредет по улице,
Чтоб в пляс пуститься у крыльца.

Попляшет, а потом попросится
Не в дом — хотя бы на порог,
Где с перебитой переносицей
Сосулька рухнула у ног.

О, эта пляска очумелая,
О, этот чуть оплывший лед!..
Неровен час, сосулька белая
В метели белой пропадет.

И только в памяти останется,
Чтоб мельком вспомнилось потом,
Как снег шатался, будто пьяница,
И спать улегся под крыльцом.

* * *

Куст калины, духмяный чай...
К речке тропка спешит отлого...
Здесь меня, в этот божий край,
По безбожью вела дорога.

За дорогою даль пуста,
Снежно-белое пепелище,
Где ни звонницы, ни креста —
Только ветер угрюмо свищет.

А в лощине, где нет людей,
Ночью воеет, границ не зная,
То ль отшельник и лиходея,
То ль сама тишина ночная.

Но когда золотая ширь
Над оврагами заструится,
Будет роще читать Псалтирь
Прозревающая блудница...

И спешишь надышаться впрок,
Коль сбежал сюда от разлуки
По безбожью, где всюду Бог —
В каждом шаге и в каждом звуке.

* * *

Метель заплакала взхлеб,
А ты глядишь, полураздетый,
Как там, под лампой, женский лоб
Мерцает вымученным светом.

Так озаряется луна
Движеньем солнечного диска.
Так выпь, безумия полна,
Кричит от сумрачности близко.

О, этот лоб! О, этот свет,
От потолочья отраженный,
Что чуть колеблется в ответ
На этот взгляд замороженный!

И чудится, что много лиц,
Среди безоблачной дремоты,
Где шелест выцветших страниц,
Где смолкла музыка... И ноты

Лежат неровной чередой
На чуть расстроенном рояле,
Где звуки прячутся зимой,
А летом вовсе не играли.

И ничего другого нет —
Есть только память о разлуке,
Да этот лоб... Да нервный свет...
Да эти вздрогнувшие руки.

* * *

Сегодня солнце... Завтра в хмари
Опять утонут деревья.
И белизну с утра нашарит,
Как шапку, бурая трава.

И снова станет спозаранку
В окне темнеть и вечереть.
И ветви злую перебранку
Оденут в мокнущую медь.

А в небе, сумрачном и мгlistом,
Опять закружит воронье,
И будет ветер гнать со свистом
Листву в пожухлое жнивье.

Но это завтра... А покуда
Зрочки светлеют от лучей.
И забывается простуда,
И нет иуд и сволочей...

Дыханье чувствуя Господне,
Ты все бежишь, бежишь вперед,
Забыв, что кончится сегодня,
И луч в предзимье пропадет.

Вячеслав ХАРЧЕНКО

В ЮЖНОМ ГОРОДЕ

ЧЕРНЫЙ КАМУШЕК

Утром сидел в Алуште у моря и разглядывал камушки. Если думать, что пляжи Алушты — это просто галька, то это значит ничего не думать, потому что галька Алушты — это космос. Много пылинок и множество вкраплений — белых, розовых, янтарных, смоляных, бирюзовых.

Я перебрал гору камушков и набрал десять штук, а один камушек, похожий на янтарь, только черный, положил в карман.

Когда солнце стало припекать, встал и пошел в сторону Профессорского уголка вдоль нависающей горной гряды, поросшей крымской сосной и кипарисами. У аквапарка статуи дельфинов прыгают в море. Живые дельфины прыгают в воде, а их статуи стремятся в море.

У аквапарка расположена моя любимая кофейня. Все кофейни в Алуште сезонные, работают в сезон, а в этой можно пить кофе осенью и зимой.

Я взял большой американо с молоком и уселся на летней веранде. Если подставить солнцу лицо, то можно сидеть часами. Просто сидел, даже не читал и не копался в смартфоне.

Через четыре часа приехала Нюта. Она бросила свой «Рено» возле музея Шмелёва и спустилась на набережную. Нюта москвичка. У нее в Крыму дача в горах. Она любит сидеть на даче и смотреть на горы, а я люблю сидеть на набережной и смотреть на море.

— Пойдем в музей Шмелёва? — сказала Нюта, поправляя солнцезащитные очки и помещивая сахар в стаканчике капучино.

С моря дул небольшой холодный ветер. В принципе, если стать возле буны на солнце, где нет ветра, то и сейчас в конце октября можно купаться.

Я помолчал, всмотрелся в даль моря, прислушался к гомону белокрылых чаек и ответил:

— Посмотри: море.

Нюта перевела взгляд на море. Ее лиловый шарф трепетал на ветру. От ветра Нюте было холодно. Она то и дело куталась в тонкую кожаную куртку, но несмотря на теплую погоду Нюта зябла.

Нюта задумалась на пару секунд и выпалила:

— Тогда едем на дачу Чехова.

Вячеслав Харченко — прозаик, поэт. Родился в 1971 году в Краснодарском крае, детство и юность провел в г. Петропавловске-Камчатском, закончил МГУ имени М.В. Ломоносова и аспирантуру МГУ, учился в Литературном институте имени А.М. Горького. Член Союза писателей Москвы. Начал публиковаться с 1999 года. Стихи печатались в журналах «Новая Юность», «Арион», «Знамя» и др.; проза — в журналах «Зинзивер», «Октябрь», «Новый берег», «Дети Ра», «Крещатик», «Волга» и др. Лауреат Волошинского литературного конкурса и премии журнала «Зинзивер». Автор шести книг прозы. Рассказы переводились на немецкий, английский, китайский и турецкий языки. Живет в Симферополе.

Нестерпимо захотелось курить, а потом и выпить.

Дача Чехова находится в Гурзуфе. Что я забыл в Гурзуфе? Мне кажется, если бы Чехову предложили выбор: смотреть на море или ехать на дачу в Гурзуфе, он безусловно выбрал бы море.

Прилетела ворона и стала кланчить объедки. Какое-то время я думал, чем бы ее угостить, но, как назло, ничего не было. Тогда я встал, прошел в кафе и купил овсяное печенье. Когда вернулся — Нюта и ворона сидели на месте. Нюта куталась в лиловый шарф, а ворона кланчила объедки.

Отдал вороне овсяное печенье.

— А еще можно искупаться у черных камней, — добавила Нюта.

Черные камни находятся в конце набережной, километров пять. У Нюты странные желания. Она может одновременно кутаться от холода и мечтать искупаться в Чёрном море. Вода в октябре теплая, но когда из нее выходишь, то попадаешь в объятия холодного ветра, не спасает даже 20 градусов тепла.

Я достал из кармана черный камушек, поиграл им, подкинул, а потом бережно вложил в ладошку Нюте.

Нюта на какое-то время опешила, посмотрела мне в глаза, а потом раскрыла ладошку и, разглядывая черный камушек, спросила:

— Что это?

— Черный камушек, — ответил я.

— Янтарь? — спросила Нюта.

— Вряд ли, здесь нет янтаря, — произнес я.

— Зачем мне камушек? — спросила Нюта.

— Он светится, — сказал я.

Нюта поднесла камушек на уровень глаз и посмотрела сквозь него на солнце. Камушек засветился.

— Пойдем в музей Шмелёва, — повторила Нюта.

Я вздохнул, закурил, и мы пошли в музей Шмелёва, туда, где Нюта оставила свой «Рено». Калитка музея закрыта. По воскресеньям музей не работает.

Постояли немного, делать было нечего. Я хотел вернуться на набережную, но Нюта зачем-то произнесла:

— У меня айва поспела, хочешь покажу?

Айва особенный фрукт. Айва твердая, ее невозможно есть, только варить варенье.

Нюта достала смартфон и стала показывать мне фотографии со своего дачного участка. Айва и правда красивая, еще там были виноград и груши. Все это на фоне гор. Айва на фоне гор, груши на фоне гор, виноград на фоне гор. Недостроенный домик Нюты на фоне гор. Горы и море. Крымчане любят горы, приезжие любят море. Почему москвичка Нюта любила горы, а не море — непонятно. Видимо, где-то глубоко в душе Нюта настоящий таврический человек, а я вечный приезжий, я никогда не смогу слиться с пространством, я всегда здесь буду чужим.

Так как делать все равно было нечего, то я усадил Нюту в машину, Нюта закрыла дверь, помахала мне рукой, нажала на газ, и ее красный «Рено» попыхтел по горам в сторону

Перевального, а сам я побрел домой. Мой дом тоже стоит на горе, но туда ходит троллейбус № 2. Без троллейбуса № 2 на мою гору не забраться. Когда уже принимал душ, позвонила Нюта:

— Я забыла черный камушек.

— Где? — спросил я, стараясь не прижимать мобильный телефон к мокрому уху.

— Видимо, в кафе.

Я просушил волосы, быстро оделся и — пока не стемнело — пошел обратно в кафе на набережной.

В кафе играла музыка, бегали дети, но камушка нигде не было. Может, его дети забрали, или ворона унесла его вместе с овсяным печеньем.

Я спустился к воде и стал искать еще один такой черный камушек, но, видимо, камушек был уникальным. Попадались розовые камушки, белые камушки, бирюзовые камушки, а черного камушка не нашел.

Я позвонил Нюте, но она не брала трубку. Видимо, варила айвовое варенье. Я осмотрелся и решил вернуться в кафе и, уже окончательно уходя из него, заметил какой-то блеск в углу. Я наклонился и увидел черный камушек. Он лежал звонко и надежно, и я подумал, что раз он здесь лежит, то и должен лежать. Я поднял черный камушек с пола и бросил его в море, потом достал смартфон и набил Нюте в ватсапе, что не нашел черный камушек.

ФЕВРАЛЬСКИЙ МИНДАЛЬ

Мы сидели с Костей в Алуште на остановке и курили. Стоял февраль. Крымский февраль похож на апрель средней полосы. Сквозь серое небо пробиваются лучики теплого солнца, с моря веет ветер, а воздух может прогреться до восемнадцати градусов тепла. В такие дни непонятно, где ты находишься. По побережью бродят одинокие люди, они смотрят вдаль с радостью, потому что радость прибрежного жителя — это одиночество февральского побережья, когда даже шхуны одиноки, баржи одиноки и рыбаки на пирсах одиноки.

— Смотри, — сказал я Косте, — миндаль цветет, — и ткнул в темноту, где увидел цветущее миндальное дерево. Это дерево стояло на пригорке, поэтому Костя не мог его видеть за бетонным забором, к тому же он сидел к забору спиной.

— Врешь, — ответил Костя, — когда цветет миндаль, на километр запах.

Я принялся. Никакого запаха не было. То ли миндаль южного берега Крыма не пах, то ли мы находились на значительном отдалении от дерева.

Что такое миндаль, я впервые узнал, когда переехал из Москвы в Крым. В Москве его можно встретить очищенным только на больших шумных рынках. Продолговатые янтарные зерна тверды и жестки. На рынках Крыма миндаль продается неочищенным, что и понятно, его кожура легко разламывается, если сильно надавить на нее большим пальцем. На юге миндаль осеннего урожая мягок и податлив. Видимо, он твердеет только при дальних перевозках, что и понятно, Москва — это твердый, суровый город.

— Может, у нас омикрон, — спросил я Костю.

В эпоху эпидемий все мысли человека крутятся вокруг болезни. Сама болезнь меня миновала, но Костя ей переболел. Сейчас он посмотрел на меня и улыбнулся:

— Нет у нас никакого омикрона.

Костя привстал со скамейки, но дерево все равно оставалось у него за спиной, он все равно не видел цветущий миндаль.

— Я не ошибся, — сказал я и тоже привстал.

— Ошибся, — ответил Костя.

— Не ошибся, — сказал я.

И тогда мы пошли искать в сумерках миндаль. Точнее искал его Костя. Я же шел к дереву прямой дорогой. Дерево, как я говорил, стояло на пригорке, мы долго карабкались по февральской слякоти на пригорок. Там стоял цветущий миндаль. Он был снежен, хотя это не снег, а цвет.

— Миндаль, — сказал Костя и улыбнулся, широко и немного по-детски.

— Я же говорил, — ответил я и тоже улыбнулся.

— Садовый. Почти не пахнет, а дикий пахнет, — произнес Костя.

Я еще раз внимательно посмотрел на дерево. Я, как приехавший с материка, не мог отличить садового миндаля от дикого.

— А где дикий?

— В Севастополе, на горах, кустами, когда цветет, весь Севастополь чует.

Севастополь город, с трех сторон омываемый морем, расположенный на мысе. В Севастополе февраль холодный. Ветер не дает человеку покоя, пронизывает, и все время кажется, что ты в открытом море. В Севастополе чувствуешь себя, как в Питере. Собственно, Севастополь и есть южный Питер, строгий, гранитный и военный. Когда идешь в Севастополе по Морской улице вдоль Черного моря, то это словно идешь по Невскому проспекту. Разница только в ауре. Мирный и гостеприимный Петербург славен своими кофейнями, а по Морской можно идти не один километр и не встретить ни одного питейного заведения. Видимо, эта просторная улица была создана для парадов.

— А в Алуште садовый? — переспросил я.

Я еще раз посмотрел на дерево.

— Да, садовый, — ответил Костя, — если честно, на всем южному берегу Крыма растет садовый миндаль.

— Но он же тоже красивый? — сказал я.

— Красивый, — подтвердил Костя.

— А давай сорвем ветку, — предложил я, — и бережно прикоснулся к цветку. Белые цветочки задрожали.

— Ты что! Он должен цвести, пусть цветет.

«Все должно цвести, точно, все должно цвести», — подумал я.

— Хорошо, — вздохнул я, — пусть цветет, — и подобрал с земли осыпавшийся цвет.

— Витя, ты где? — кто-то закричал из окна.

Никакой Витя не отзывался.

— Вы не с Витей? — спросили нас из окна ближайшей пятиэтажки. Это был просто голос из темноты. Сиплый, но сиплый странно, странно приятный и дружелюбный.

Мы подумали и оглянулись, Вити не было.

— Тут нет Вити. — сказали мы хором.

— А вы кто?

И правда — кто мы. Если честно, мы приезжие. Я приехал в Крым 3 года назад. Костя 20 лет назад, но, видимо, здесь все приезжие, здесь нет местных. Да местные и не считают себя ни украинцами, ни русскими, позволяя называть себя крымчанами. Крым странное место. Он перемолол не одну волну завоевателей, впуская их в себя всех как добрый хозяин, но постепенно все завоеватели — греки, генуэзцы, крымские татары — становились просто крымчанами.

— Миндаль смотрим. — ответили мы.

Из окна помолчали и потом произнесли:

— Ладно, смотрите, только если Витю увидите — ведите домой, а то он загулял.

— Хорошо, — ответили мы.

— А персик когда зацветет? — показал я Косте рукой на другое дерево.

— Это не совсем персик, — засмеялся Костик.

— Станный ты, Костя, — произнес я, — миндаль у тебя не миндаль, персик не персик.

Из окна, в котором искали Витю, неожиданно кто-то запел. Звучали ни радио, ни телевизор, ни компьютер. Пел живой, настоящий человек. Ария герцога из оперы Верди «Риголетто».

Мы замерли. Замер и весь двор. Перестала шуршать метла дворника, затихли дети на площадке, даже перестал лаять надоевший всем пудель.

Двор молчал. Человек пел. Возможно, пел тот самый Витя, которого все искали. Происходил безусловный триумф человека над цифровой цивилизацией.

Когда пение стихло, снова зашуршала метла дворника, снова загомонили дети в детском саду, снова залаял пудель. Мы еще постояли, и я вдруг, вспомнив, спросил у Кости:

— Почему это не персик?

— Здесь персик не выживает, каменистая почва, всего 15 сантиметров плодородный слой, — Костик достал сигареты и снова закурил.

— А этот как выжил?

— У него корень сливы.

— Не понял, — я смотрел на персик, и это был персик.

К остановке подошел троллейбус № 2. У него всего шесть остановок. Он ездит по кругу. С набережной на гору, с горы и снова на набережную. Наша остановка как раз стояла на горе. Зимой двойка почти пустая. Я хотел сесть в троллейбус и доехать до моря, но мне было интересно, почему персик — это слива.

— Посадили сливу, — продолжил Костя, — а потом привили персик, так он и вырос. Слива хорошо растет в горах, а привитые ветви персика родят персики.

— Когда он цветет? — спросил я.

Троллейбус № 2 закрыл двери. Сквозь стекло на нас смотрела кондукторша. Видимо, пассажиров совсем мало, и мы ей были нужны. Хорошо, когда человек нужен хотя бы кондуктору.

— Троллейбус ушел, — сказал Костя.

— Он здесь ходит каждые 15 минут, а летом, когда полно отдыхающих, то пять.

— Так что, в принципе это слива, — Костя бросил окурок в урну.

— А персик когда цветет? — еще раз спросил я.

— В апреле-мае.

— Витя, спой еще! — донеслось из окна.

Видимо, пел именно Витя. Витю нашли, и он пел арию герцога.

— Может, посмотрим сериал? — в окне мы увидели силуэт Вити — полноватого, лысоватого мужчины, ничем не примечательного. Он напоминал соловья. Витя задернул шторы и включил телевизор.

Цифровая цивилизация выдала звук погони и всполохи выстрелов.

Витя и его спутница смотрели телевизор.

— Странно, что миндаль цветет в феврале, — сказал я.

— В этом году винограда не было, — Костя смотрел виновато и смущенно.

— Так вроде хорошо цвел, — я помню Костин дачный участок. И в прошлом, и в позапрошлом, и в этом году он по весне сиял цветущим виноградом.

— Цвести цвёл, но сгнил на ветках.

— Как сгнил!

— Дождливое лето, дождливая весна, а у меня глина близко. Вода не уходила, скопилась, вот и сгнил.

— И что мы в этом году, Костя, без вина? — я загрустил.

— Ну почему без вина, купим Пино Нуар у знакомого дилера и поставим.

— Что за Нуар? — из нуара я знал только американское кино и Альфреда Хичкока.

— Пино Нуар — виноград, выращенный в 14-м веке бургундскими монахами, он здесь только у моего дилера растет, — Костя воодушевился.

— Кино, а не виноград, — я тоже достал сигарету и закурил.

— Понимаешь, это юг, Слава, это юг, — Костя смотрел с горы на море. Оно еще серое, оно еще темное, оно ждет мая, или июня, или июля, чтобы стать костром красок, впустить туристов, иссушить человека в зное, а пока цветет февральский миндаль и растет виноград Пино Нуар.

МЕД

Вчера позвонил брат. Он ездил в Индонезию с семьей, а я оставался в его московской квартире один. Когда я уезжал из его квартиры, он еще был в Индонезии. Я хорошо прибрался, все проверил и, если честно, немного боялся, что что-то сделал не так.

— Как дела? — спросил брат.

— Нормально, — ответил я.

— Ты банку такую желтую не выбрасывал из холодильника? — спросил он.

Я стал вспоминать.

— А что там было?

— Мед с имбирем, я его привез из Китая. Мне его подарил монах Мо Ша из шаолиньского монастыря.

Я стал опять вспоминать. В принципе, у меня аллергия на мед, мне мед нельзя.

— Вроде ничего не выкидывал, — сказал я и стал опять вспоминать, и вдруг вспомнил, что я по своей привычке есть ночью что-то достал в 2 часа 2 января из холодильника брата и все съел.

— Видимо, я его съел, — виновато ответил я.

— Все пол-литра? — спросил брат.

— Видимо, да.

— Да, жаль, — произнес брат, — я его по пол-ложечки чайной ел. Он укрепляет духовную силу мужчины.

— Я у тебя забыл переписку Гершензона с Вячеславом Ивановым, — зачем-то сказал я.

— Да, сейчас читаю, там интересная вступительная статья Мережковского.

— Ага, да, неплохая.

— Вкусный был? — спросил брат.

— Не помню, — честно ответил я.

— Жаль, да, — сказал брат.

— Жаль, — подтвердил я.

— Ничего, я на будущий год опять в Китай поеду, — сказал брат и положил трубку.

ОТТЕПЕЛЬ

В Алуште в январскую субботу было плюс 17, и мы с Костей пошли на рыбалку. На прошлой рыбалке мы поймали десять окуней таких маленьких, что ими наелась всего одна кошка. В прошлый раз у нас было одна удочка, а в этот раз две, поэтому мы решили, что поймем двадцать окуней и накормим две кошки. Мы наладили удочки, забросили их в Чёрное море, но у нас ничего не ловилось, поэтому Костя решил искупаться, а я испугался. Костя морж, а я нет. Все-таки подводная рыбалка в январе не входила в мои планы.

Но тут позвонила мама из Москвы.

— Как ты? — спросила мама.

Я показал бескрайнее, синее, солнечное море.

— А кто там плавает? — спросила мама.

— Костя, — ответил я (мама знает Костю).

— А ты чего не плаваешь? — спросила мама.

Я еще раз посмотрел на море и еще раз поежился.

— Январь, — ответил я.

— А я бы искупалась, — ответила моя семидесятипятилетняя мама.

— Я верю, — произнес я. Мама ходит зимой на даче в валенках и купальнике.

— Когда в Москву приедешь? — спросила мама.

— На Новый год, — ответил я.

Мама положила трубку.

Рядом стоял Костя и прыгал на одной ноге. Видимо, вода попала ему в ухо.

Потом пошел окунь, и мы поймали двадцать окуней. В этот раз ими наелись две кошки, а в прошлый раз одна.

Когда мы возвращались домой, старушки на лавочке спросили нас, поймали ли мы саргана. Сарган — это рыба-стрела, он водится в Черном море. Но мы ответили, что поймали окуней.

КНИГА

Кеша, мой квартиросъемщик, в вотсап пишет:

— Вячеслав Анатольевич, а можно я вашу книгу подарю маме, все равно ее собака погрызла.

— Какую книгу? — спрашиваю.

— Ну, которую вы написали, — отвечает, — не волнуйтесь, она мне понравилась.

Если честно, я не сообщал Кеше, что пописываю. Видимо, где-то в книжном шкафу нашел мою книгу и прочитал.

— Какая, — спрашиваю, — из собак погрызла книгу?

У Кеши вообще-то три собаки.

— Лёлек, — отвечает.

Лёлек это такса.

— Как же такса забралась на верхнюю полку высокого шкафа?

— А ее Князь достал.

Князь, как я понимаю, это кобель серый, огромный, который меня чуть не покусал, когда я проверял квартиру.

— Сильно погрызла? — с грустью спрашиваю.

— Да так, — отвечает Кеша.

— Ладно, отдай, — говорю.

Кеша помолчал.

— Только мама автограф требует.

Тут уже помолчал я.

— Автограф только через год, я в Москву из Южного города раз в год езжу.

— Тогда пусть лежит.

— Может, лучше отдать, а то собаки догрызут.

— Неее, я на верхнюю полку положил и закрыл.

Сижу теперь и думаю. Вот где-то далеко-далеко в Москве в окружении собак лежит моя погрызенная книжка в ожидании автографа для мамы Кеши.

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ

АФОРИСТИКА

* * *

Деньги в руках обезьяны никогда не сделают ее финансистом.

* * *

Куда бы гений ни шел — он всегда кому-то дорогу перейдет.

* * *

Не устраивай курице разбор полетов, если она в духовке.

* * *

Если совесть спит, то и сто будильников бессильны.

* * *

Сначала мы бегаем за правдой, потом мы бегаем от правды.

* * *

Если вести себя как Тузик, никогда не станешь тузом.

Юрий Тубольцев — прозаик, поэт. Родился в 1976 году в Москве. Окончил Государственный университет управления (1998) и Высшую школу Европейских культур (2002). С 2004 по 2018 год жил и работал в городе Регенсбург в Германии. С 2019 года проживает в Москве. Пишет в жанре «миниатюра, афористика». Член Московского союза литераторов и Московского клуба афористики. Автор трех книг афоризмов. Лауреат многих литературных конкурсов.

* * *

Где два руля, там ситуацию не разрулить.

* * *

Сделай у лужи причал, если в ней отражается небо.

* * *

Мудрец среди овец — овца, а не мудрец.

* * *

Чем выше трибуна, тем меньше в словах истины.

* * *

Еще не известно, что лучше: свобода летать или свобода никуда не лететь.

Евгений СТЕПАНОВ

ФЕВРАЛЬ — МАРТ 2023

КОШКА И СОБАКИ

Март 2023. Почти неделю безвылазно провел на даче, редактировал одну толстенную научную книгу. Мои домашние питомцы очень обрадовались, что я дома. Но в Москву все-таки выезжать надо. Хоть ненадолго. И вот я собрался и вышел во двор, пошел к воротам. Моя прекрасная кошечка Монро кинулась меня провожать, добежала до калитки, даже лужи ее не остановили.

А собаки (Тяпа и Нэнси) завыли.

Не знаю, как смогу описать свои чувства...

Надо быстро сделать дела в Москве — и домой. На дачу.

2023

ФЕВРАЛЬ 2023

Стараюсь больше спать. Во сне не так тяжело.

ЛОНДОН

Брат зятя купил дом в Лондоне. Зовет меня в гости. Я никуда ехать не хочу.

ЛИТ. НИКОЛАЕВА. РЕЙН

14 февраля 2023 выступил в Литературном институте им. А. М. Горького.

Рассказал студентам семинаров Олеси Николаевой и Евгения Рейна (оба мастера присутствовали на встрече) о текущем литературном процессе, о своих проектах, телеканале «Диалог», портале «Читальный зал», журналах и газетах, которые издаю долгие годы, — «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», «Поэтоград», «Литературные известия», «Наша Смоленка» и др.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Наш современник», «Нева», «Звезда», «Урал», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «День и ночь», «Подъем», «Дон», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига и премии журнала «Нева».

Сообщил студентам, что за двадцать лет работы издательство «Вест-Консалтинг» выпустило сотни наименований книг, прежде всего, поэтических. Это книги Виктора Сосноры, Геннадия Айги, Александра Ткаченко, Владимира Алейникова, Юрия Влодова, Сергея Бирюкова, Константина Кедрова, Кирилла Ковальджи, Тамары Жирмунской, Славы Лёна, Александра Тимофеевского, Сергея Мнацаканяна, Александра Казинцева, Юрия Казарина, Анны Альчук, Нины Красновой, Юрия Беликова, Ольги Ефимовой, Максима Замшева, Сергея Попова, Бориса Кутенкова, Дмитрия Цесельчука, Виктора Петрова, Анастасии Ермаковой, Сергея Арутюнова, Игоря Панина, Максима Лаврентьева и многих-многих других.

Дневники Сергея Есина, датированные 2016 и 2017 годом, и мемуары (двухтомник) Евгения Сидорова — это тоже наша продукция.

О моих производственных успехах студенты и преподаватели слушали с большим интересом. Хвастаться я умею хорошо.

Потом Олеся Николаева предложила мне почитать свои стихи. И тут я почувствовал себя проходимцем. Читать стихи в присутствии Е. Рейна, учителя Бродского, в мои планы никак не входило.

Но отступать я не привык. Я прочитал взыскательной аудитории свои стихи из готовящейся книги «Преодоление».

Студенты, как ни странно, видимо, из вежливости, аплодисментами поблагодарили меня за выступление и чтение стихов.

Олеся Николаева тоже сказала несколько добрых слов — за что ей большое спасибо.

А Рейн почти все мое выступление молчал. Он только спросил: напечатал ли Вас Олег Чухонцев, когда Вы приносили ему стихи в «Новый мир»? (До этого я рассказывал о своей встрече с Чухонцевым много лет назад.)

Потом Рейн попросил мою газету «Литературные известия». Я с удовольствием подарил один из номеров. Евгений Борисович начал читать литературный кроссворд, напечатанный в газете.

В конце моего выступления Евгений Борисович сказал: «Центонами не увлекайтесь!»

Я думал, что он вообще меня приберет за мои стихи. Но замечаний больше не было. Я отделался легким испугом.

КНИГА СТИХОВ

11.02.2023. Работаю почти пять лет над книгой стихов «Преодоление». Переделываю даже те, что были напечатаны. Правок очень много. Книга, я надеюсь, будет неплохой.

МУРЛЫКА

13.02.2023. Котик Мурлыка болеет. Много пьёт, прячется под креслом, вчера его вырвало. Коту 22 года.

Я за ним ухаживаю. Кот прижмется ко мне, и мы с ним вместе лежим на диване, два раненых и родных существа.

КАТИНКА

5.02.2023. Внучка Катинка дебютировала в Берлине на сцене Дойче Опер как актриса и как драматург, она исполнительница роли и автор монологов для трех актеров. Это детский спектакль. Цена билетов была 5 евро.

Катинке 11 лет.

СОЛОВЬЁВ

Соловьёв постоянно предлагает применить ядерное оружие. Неужели он не понимает, что ответка прилетит очень быстро. Тогда кирдык всем. Не хотелось бы.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

«Я ОТКРОЮСЬ ТЕБЕ...»

(155 лет К. Д. Бальмонту)

Часть 1

Одна из ярчайших звезд в созвездии писателей и поэтов Серебряного века русской литературы — **Константин Дмитриевич Бальмонт** (1867–1942). В нынешнем году — 155 лет со дня рождения и 80 лет со дня смерти поэта.

Художественный мир Бальмонта — завораживающий, воздушный, волшебный «*блеск стиха и поэтический полет*». Знаменательно, что создатель этого дивного мира, в котором таинственно соединяются с человеческой душой «*линии света*», «*очертания снов*», «*перезвоны благозвучий*»: «*Переплеск многопенный, разорванно-слитный, / Самоцветные камни земли самобытной, / Переклички лесные зеленого мая*» — свой программный теоретический этюд назвал «Поэзия как волшебство» (1915).

Поэзия Бальмонта покорила его современников, вызвала настоящий восторг у читателей и собратьев по перу. «Если бы мне дали определить Бальмонта одним словом, я бы, не задумываясь, сказала: Поэт...», — писала Марина Цветаева (1892–1941). Он, по отзыву Н. А. Тэффи (1872–1952), «удивил и восхитил своим "перезвоном хрустальных созвучий", которые влились в душу с первым весенним счастьем». Своими изысканными, утонченными стихами Бальмонт сумел влюбить в себя читающую публику. Он стал самым популярным, самым почитаемым. Среди поклонников возникло даже понятие *бальмонтизм*. Как свидетельствует Тэффи, «Россия была именно влюблена в Бальмонта... Его читали, декламировали и пели с эстрады. Кавалеры нашептывали его слова своим дамам, гимназистки <их называли *бальмонтистки* — *А. Н.-С.*> переписывали в тетрадки...» Поэты-символисты считали его своим кумиром. Один из основоположников русского символизма — искусства, наполненного таинственной образностью, недосказанностью, знаками-символами, — В. Я. Брюсов (1873–1924) утверждал: «В течение десятилетия Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией. Другие поэты или покорно следовали за ним, или, с большими усилиями, отстаивали свою самостоятельность от его подавляющего влияния».

Бальмонт признавал свое художественное превосходство среди современных ему литераторов. В своей вершинной книге «**Будем как солнце**» он создал творческий автопортрет с вызывающе-дерзкими, зримо подчеркнутыми повторами «Я — », с чередой поэтических самоопределений:

*Я — изысканность русской медлительной речи,
 Предо мною другие поэты — предтечи,
 Я впервые открыл в этой речи уклоны,
 Перепевные, гневные, нежные звоны.
 Я — внезапный излом,
 Я — играющий гром,
 Я — прозрачный ручей,
 Я — для всех и ничей.
 <...>
 Вечно-юный, как сон,
 Сильный тем, что влюблен
 И в себя и в других,
 Я — изысканный стих.*

А для самого Бальмонта, по его признанию, «лучшими учителями в поэзии были — усадьба, сад, ручьи, болотные озерки, шелест листвы, бабочки, птицы и зори». Все это «красивое малое царство уюта и тишины» скромной дворянской усадьбы в глубине России впитал поэт в себя с раннего детства, пронес через всю жизнь, наполненную не только триумфами, но и горестями, и невзгодами.

*Кукушки нежный плач в глуши лесной
 Звучит мольбой тоскующей и странной.
 Как весело, как горестно весной,
 Как мир хорош в своей красе неожиданной —
 Контрастов мир, с улыбкой неземной,
 Загадочный под дымкою туманной.*

Родовое имение Бальмонта — Гумнищи в Шуйском уезде Владимирской губернии — небольшой дом среди тенистого парка, медовых липовых аллей. Именно здесь еще в счастливое время детства маленького Константина произошло зарождение его поэтического таланта. Впоследствии Бальмонт вспоминал: «Я начал писать стихи в возрасте десяти лет. В яркий солнечный день они возникли, сразу два стихотворения, одно о зиме, другое о лете. Это было в родной моей усадьбе Гумнищи, в лесном уголке, который до последних лет жизни буду вспоминать как райское, ничем не нарушенное радование жизнью».

Бальмонт родился в начале лета — времени бурного цветения среднерусской природы, когда красуются и благоухают бело-розовые сады, чаруют волнами аромата и оттенками красок тяжелые гроздья сирени. О ней поэт с любовью писал много раз:

*О, весенние грозы!
 Детство с веткой сирени, в вечерней тиши соловей,
 Зыбь и шепот листвы этой милой плакучей березы,
 Зачарованность снов — только раз расцветающих дней!*

Упоминания о «сирени в цвету» рассыпаны во множестве стихотворений: «Мимо роз и гвоздик/ До сирени лазурной/ Пробегает родник» («Родник»); «Но уж цветет душистая сирень,/ И барвинок, и ландыш серебристый» («Зарождающаяся жизнь»); «В лепете романса — цвет сирени» («Нежно-лиловый»); «"Фея", — шепнули сирени,/ "Фея", — призыв был стрижа,/ "Фея", — шепнули сквозь тени/ Ландыши, очи смежа» («Трудно Фее») и др. В раннем детстве — «начальных днях» в родовом поместье — душистые заросли кустов сирени с ее цветами-созвездиями представлялись Бальмонту чуть ли не целой вселенной:

*В начальных днях сирень родного сада,
С жужжанием вокруг нее жуков,
Шмелей, и ос, и ярких мотыльков,
Есть целый мир, есть звездная громада.*

Проведя годы в дальних странствиях («Я был там далеко,/ В многокрасочной пряности пыльных ликующих стран»), десятилетия в эмиграции, поэт ностальгически думал об этих цветах, о своей юности, о родине, о России:

*Береза родная, со стволом серебристым,
О тебе я в тропических чащах скучал,
Я скучал о сирени в цвету и о нем, соловье голосистом,
Обо всем, что я в детстве с мечтой обвенчал.*

Осенью 1996 года — более 25 лет назад — мне довелось побывать в Гумнищах — недалеко, в восьми километрах, от старинного городка Шуя на древних землях родовитых русских князей Шуйских. К сожалению, от старинной усадьбы родителей Константина Бальмонта не сохранилось почти ничего. Остатки поместья — старый заброшенный парк, заросший маленький пруд, скромная могилка родителей поэта. Да памятный знак у проселочной дороги: «Здесь родился и провел юные годы поэт Константин Бальмонт».

Моим спутником был тогда итальянский профессор-славист Пьеро Каццола (1921–2015), известный у себя на родине как «адвокат русской культуры». Научные интересы — глубокое исследование русской классической литературы, взаимодействий Италии и России в общественно-политической и культурной областях — стали главным делом всей жизни ученого-энциклопедиста.

Творчество Бальмонта также включается в сферу русско-итальянских связей. Поэт бывал в Италии, восхищался ее культурой, слагал о ней стихи. И все же он никогда бы не променял на пышное буйство итальянских красок «печальную красоту» своей ненаглядной родины.

*Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали («Безглагольность»).*

Поэт писал матери из Рима: «Весь этот год за границей я себя чувствую на подмостках, среди декораций. А там — вдали — моя печальная красота, за которую десяти Италий не возьму».

Зная, как любил Бальмонт аромат сирени, росшей когда-то в его саду, итальянский профессор посадил у памятного знака русскому поэту молодой кустик душистой сирени. Если он прижился и уцелел, то за прошедшие годы должен был превратиться в сиреневые заросли.

Пьеро Каццола приезжал тогда и в Орёл — город Тургенева, Лескова, Бунина. Знаменательно, что в Орле в апреле 1917 года побывал Бальмонт — знаток и ценитель тургеневского творчества. Поэт написал стихи «Памяти Тургенева»:

*Дворянских гнезд заветные аллеи.
Забывтый сад. Полузаросший пруд.
Как хорошо, как все знакомо тут!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордые цветут.*

Посетил Бальмонт и легендарный «дом Лизы Калитиной», на «дворянском гнезде», как издавна именуется это тургеневское место в Орле. Описанный в романе Тургенева «Дворянское гнездо» (1858) дом, ныне уже почти разрушенный (несмотря на постоянное бахвальство местных чиновников о желании и готовности сохранять культурное наследие), был своеобразным центром паломничества почитателей тургеневского романа со всей России и из-за рубежа. Бальмонт сложил об этом доме изысканные стихотворные строки:

*В том доме, где нежная грезил Лиза,
С толпой молодежи я медлил попутно.
И мнилось: здесь тихая веяла риза.
Как в прошлом красиво!
Как в нежном уютно!*

Вторя Бальмонту и подражая его образности, орловец Евгений Сокол описал впечатления от орловской встречи поэта в «доме Лизы Калитиной»:

*И плавали, плавали милые тени
В волшебности Ваших изысканных слов.
И мнилось: чуть слышно дрожали ступени
Под легкостью Лизиных тихих шагов.*

Впечатление от посещения «дома Лизы Калитиной» выразил также современник Бальмонта Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). В своем «нобелевском» романе «Жизнь Арсеньева» (1929) Бунин вспоминал, как в молодые свои годы жизни в Орле он приходил со своей возлюбленной к заветному дому: «уже вечерело. "Вы любите Тургенева?" — спросила она. <...> Тут недалеко есть усадьба, которая будто бы описана в "Дворянском гнез-

де". <...> И мы пошли куда-то на окраину города, в глухую, потонувшую в садах улицу, где на обрыве над Орликом, в старом саду, осыпанном мелкой апрельской зеленью, серел давно необитаемый дом <...> Мы постояли, посмотрели на него через низкую ограду, сквозь этот еще редкий сад, узорчатый на чистом закатном небе... Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви».

Бальмонт, как и Бунин, умел передать в слове едва уловимый момент предчувствия любви, ее зарождения. «Любовь есть желание красоты, таинственно совпадающей с нашей душой», — утверждал поэт. Он писал о всеобъемлющем характере любви как главной Божией заповеди и в полном соответствии с евангельской концепцией: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16); «любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога» (1 Ин. 4: 7); «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 6) — в стихотворении с призывным названием «Люби»:

*«Люби!» — поют шуришащие березы,
Когда на них сережки расцвели.
«Люби!» — поет сирень в цветной пыли.
«Люби! Люби!» — поют, пылая розы.
Страшись безлюбья. И беги угрозы
Бесстрастия. Твой полдень вмиг — вдали.
Твою зарю теченья зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грезы.
Кто не любил, не выполнил закон,
Которым в мире движутся созвездья,
Которым так прекрасен небосклон.
Он в каждом часе слышит мертвый звон.
Ему никак не избежать возмездья.
Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он.*

Искупительная самоотверженная любовь Христа к миру: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20:28) — для поэта единственный идеал высшей красоты:

*Одна есть в мире красота —
Любви, печали, отреченья,
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.*

Один из 35 своих стихотворных сборников поэт назвал «Только любовь» (1903). В поэзии Бальмонта приоткрывается завеса в Царствие Божие, сокрытое в таинственных Небесах обетованных, — по слову апостола Павла: «не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим» (1 Кор. 2: 9–10):

*Донесся откуда-то гаснущий звон,
И стал вырастать в вышину небосклон.
И взорам открылось при свете зарниц,
Что в небе есть тайны, но нет в нем границ.
И образ пустыни от взоров исчез,
За небом раздвинулось Небо Небес.
Что жизнью казалось, то сном пронеслось,
И вечное, вечное счастье зажглось («Звезда пустыни»).*

После того, как в молодости поэт пытался покончить с собой и выжил, ему в полной мере открылись милость Творца, Его заповедь о вечной и бесконечной жизни: «дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16). В автобиографическом рассказе «**Воздушный путь**» Бальмонт вспоминал: «Я понял в те минуты, что <...> жизнь бесконечна. <...> В долгий год, когда я, лежа в постели, уже не чаял, что я когда-нибудь встану, я научился от предутреннего чирикания воробьев за окном и от лунных лучей, проходивших через окно в мою комнату, и от всех шагов, достигавших до моего слуха, великой сказке жизни, понял святую неприкосновенность жизни. И когда наконец я встал, душа моя стала вольной, как ветер в поле, никто уже более не был над нею властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом». Вдохновение переполняло поэта. В письмах он делился своей творческой радостью, счастьем жить: «Ко мне пришло что-то более сложное, чем я мог ожидать, и пишу теперь страницу за страницей, торопясь и следя за собой, чтобы не ошибиться в радостной торопливости»; «У меня много новостей. И все хорошие. Мне "везет". Мне пишется. Мне жить, жить, вечно жить хочется. Если бы Вы знали, сколько я написал стихов новых! Больше ста. Это было сумасшествие, сказка, новое. Издаю новую книгу, совсем не похожую на прежние. Она удивит многих. Я изменил свое понимание мира. Как ни смешно прозвучит моя фраза, я скажу: я понял мир. На многие годы, быть может, навсегда»; «Как неожиданна собственная душа! Стоит заглянуть в нее, чтобы увидеть новые дали...».

*Ночь ночи открывает знание,
Дню ото дня передается речь.
Чтоб славу Господа непопранной сберечь,
Восславить Господа должны Его созданья.
Все от Него — и жизнь, и смерть.
<...>
Свят, свят Господь, Зиждитель мой!
Перед лицом Твоим рассеялась забота.
И сладостней, чем мед, и слаще капель сота
Единый жизни миг, дарованный Тобой!
(«На мотив псалма 18»)*

Часть 2

Вселенский масштаб Всевышней любви как источника жизни на Земле в стихотворении «**Небесная роса**» соединился у Бальмонта с очень простой, почти детской интонацией — в согласии с христианской заповедью «Будьте как дети»:

*Ходят ангелы во мгле,
Слезы счастья шлют земле,
Славят светлого Творца,
Любят, любят без конца.*

По воспоминаниям Бунина, «Бальмонт был вообще удивительный человек. Человек, иногда многих восхищавший своей "детскостью", неожиданным наивным смехом». Эта душевная чистота, детская непосредственность выразились в стихах для детей. Бальмонт проявил себя как истинный детский поэт, который «совсем переселяется в детскую душу»:

*Белки, зайки, мышки, крыски,
Землеройки и кроты,
Как вы вновь мне стали близки.
Снова детские цветы:*

*Незабудки расцветают,
Маргаритки щурят глаз,
Подорожники мечтают —
Вот роса зажжет алмаз («Детский мир»).*

По отзыву А. А. Блока (1880–1921), Бальмонт создал «прозрачный мир, где все сказочно-радостно и мудро детской радостью и мудростью». Таков поэтический сборник «**Фейные сказки**» (1905), написанный для малышки Ниники — четырехлетней дочери Бальмонта Нины — со следующим «**Посвящением**»:

*Солнечной Нинике, с светлыми глазками, —
Этот букетик из тонких былинки.
Ты позабавишься Фейными сказками,
После блеснешь мне зелеными глазками, —
В них не хочу я росинок.*

Начинается причудливая сказка, и ее главная героиня воплощает бальмонтковский поэтический идеал красоты, изящества, воздушной нежности:

*Так как в мире я не знаю
Ничего нежнее фей,
Ныне Фею выбираю
Музою моей.*

Чудесная Фея — повелительница своего идеального миниатюрного царства. В то же время в ее образе проступает постигающая окружающий мир шаловливая девочка-непоседа, в которой узнается маленькая дочка Бальмонта. Вся его поэзия — на грани сказочности, чародейства — в этом обворожительном стихотворном цикле обретает особенную трепетность, легкокрылость:

*Миг, — и в замок, до грозы,
Фея весело вернулась
На спине у стрекозы («Находка Феи»);*

*В сказке Фейной, тиховойной,
Легкий майский ветерок
Колыхнул цветок лилейный,
Нашептал мне пенье строк («Ветерок Феи»);*

*И почему так ландыш вдруг
Вздохнул, в траве бледнея?
И почему так нежен луг?
Ах, знаю! Это Фея («Чары Феи»).*

Поэт помнил заповедь Христа: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 19: 13). Любовь к «милому раю» его собственного детства в срединной России, сбереженная до последнего вздоха, помогала Бальмонту в тяжелые годы эмиграции.

Первой эмиграции 1906–1913 годов предшествовали события, из-за которых поэт лишен был права проживания в столице и в университетских городах, а затем вынужден был покинуть Россию. Он принял участие в жестоко подавленной политической демонстрации, откликом на которую стало аллегорическое стихотворение «**Маленький султан**»:

*То было в Турции, где совесть — вещь пустая,
Там царствуют кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый маленький султан.*

Поэт не принимал деспотизма самодержавной власти, не принял он и власть большевиков, ужаснувшись революционному кровавому хаосу и «урагану сумасшествия». В мае 1920 года Бальмонт покинул Россию навсегда.

С тех пор его постоянной спутницей стала ностальгия, мучительная тоска по желанной родине: «Я хочу России... пусто, пусто. Духа нет в Европе»; «Я хочу России. Я хочу, чтобы в России была преображающая заря. Только этого хочу. Ничего иного». Посылая новые стихи дочери Нине, Бальмонт писал: «Ты почувствуешь, как я всегда люблю Россию и как мысль о нашей природе владеет мною. <...> Одно слово "брусника" или "донник" вызывает в моей душе такое волнение, что одного слова достаточно, чтоб из задрожавшего сердца вырвались стихи».

В стихотворении «Алтарь», посвященном И. С. Шмелёву (1873–1950), поэт обращался к автору «Лета Господня»:

*Доброму другу от чистой души
Крепкое слово: дыши и пиши,
Все твои чувства — как Русь хороши.*

Таковыми же чувствами был преисполнен и сам Бальмонт. Посреди скорбей, бедности, заброшенности на чужбине находил он утешение и отраду в ностальгических воспоминаниях — тех, что «сердцем взлелеяны, вечным оваяны», — и в искренней вере в Бога.

Под пером Бальмонта и ранее рождались поистине молитвенные стихи.

*Создал Ты рай — чтоб изгнать нас из рая.
Боже, опять нас к себе возврати,
Мы истомились, во мраке блуждая,
Если мы грешны, прости нас, прости!
Не искушай нас бесцельным страданьем,
Не утомляй непосильной борьбой,
Дай возвратиться к Тебе с упованьем,
Дай нам, о Господи, слиться с Тобой! («Молитва»)*

В горячем покаянии даруется надежда на Божие прощение. Вечной заступницей для кающейся души становится Богородица со всепрощающей любовью материнского сердца:

*Лишь в Матери Божьей вся ласковость взгляда.
Да буду прощен я. От детства в том грешен,
Что сердце не там, где возможности гнева.
Одна мне услада, кем вечно утешен,
С лицом материнским Пречистая Дева («Покаяние»).*

В «черные мгновения» жизни вдали от родины единственным утешением становилось упование на Высшую милость:

*Я горю и не сплю. Неоглядна бездонная ночь.
Колокольная медь задрожала растущей силой.
Всескорбящая Мать, или ты мне не можешь помочь?
Дай увидеть твой взгляд и в мгновениях черных помилуй
(«В черном»).*

В ежевечерних молитвах изливались прошения тоскующей души поэта:

*Господь, Господь, внимли, я плачу, я тоскую,
Тебе молюсь в вечерней мгле.
Зачем Ты даровал мне душу неземную —
И приковал меня к земле?
<...>
Велик Ты, Господи, но мир Твой неприветен,
Как все великое, он нем,
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик: «Зачем? Зачем?..» («Зачем?»)*

Но искренний молитвенный призыв никогда не остается безответным. В стихотворении «Звезда пустыни» Господь открывается взывающей к Нему душе:

*«Я откроюсь тебе в неожиданный миг —
И никто не узнает об этом,
Но в душе у тебя загорится родник,
Озаренный негаснущим светом.
Я откроюсь тебе в неожиданный миг.
Не печалься, не думай об этом.*

*Ты воскликнул, что Я бесконечно далек, —
Я в тебе, ты во Мне безраздельно.
Но пока сохрани только этот намек:
Все — в Одном. Все глубоко и цельно.
Я незримым лучом над тобою горю,
Я желанием правды в тебе говорю».*

Пламенное желание правды Божьей, следование христианским заветам — по слову апостола Петра: «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6: 68) — делало молитвенную поэзию Бальмонта подобной благовестию:

*К Тебе, о Боже, к Твоему престолу,
Где Правда, Истина светлее наших слов,
Я путь держу по Твоему глаголу,
Что слышу я сквозь звон колоколов.*

Поэт слышал зов к последнему исходу, по ту сторону земного бытия — к жизни вечной. Одним из ее «тонких знаков» были для Бальмонта цветы-бессмертники:

*Бессмертники, вне жизни, я мальчик был совсем,
Когда я вас увидел, и был пред вами нем.
Но чувствовал я то же тогда, что и теперь:
Вы тонкий знак оттуда, куда ведет нас дверь.
Тяжелая, с замками, вся расписная дверь,
С одним лишь словом в скрипе, когда отворишь: Верь.
Бессмертники, я знаю. Чего нам медлить тут?
Мы жили здесь. Довольно. Нас в новый мир зовут.*

В лучший из миров — «новый мир» — Константин Дмитриевич Бальмонт перешел в возрасте 75 лет. По свидетельству писателя-христианина Б.К. Зайцева (1881–1972), также завершившего свою жизнь во французской эмиграции, поэт «горестно угасал и скончался в 1942 году под Парижем в местечке Noisy-le-Grand <Нуази-ле-Гран. — А.Н.-С.> в бедности и заброшенности, после долгого пребывания в клинике, откуда вышел уже полуживым». Предсмертная исповедь Бальмонта произвела на исповедовавшего его священнослужителя неизгладимое «глубокое впечатление искренностью и силой покаяния». Поэт считал себя «неисправимым грешником, которого нельзя простить». Однако, по учению Христа, «многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19: 30). Даже раскаявшемуся разбойнику на кресте Господь дал слово: «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23: 43). В завершение своих мемуаров о Бальмонте Зайцев выразил твердую несомненную веру в беспредельное милосердие Божие: «Все христианство, все Евангелие как раз говорит, что ко грешникам, которые последними, недостойными себя считают, особо милостив Господь. Верю, твердо надеюсь, что так же милостив будет Он и к усопшему поэту русскому Константину Бальмонту».

Его стихи, словно огоньки лампадки, и по сей день светятся пред алтарем святыни — Родины:

*В слове — в лампаде — лучистая грусть,
Русь, как молитву, тверди наизусть.*

**Жан-Филипп Жаккар, «Литература как таковая.
От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности»
М.: Новое литературное обозрение, 2011**

После прорывной книги «Даниил Хармс и конец русского авангарда», вышедшей на русском в 1995 году и ставшей настольной у всех, кто занимается не только авангардом, но и историей и теорией литературы, швейцарский русист как будто взял паузу. На самом деле Жан-Филипп Жаккар продолжил сквозное освоение русской словесности в особом ракурсе. Как говорит он сам, погружение в литературу эпохи модернизма и авангарда помогло «по-новому посмотреть на классику». Увидеть «процесс осознания формы и автореференциальный характер любого произведения». То есть увидеть, что писатель (и тем более поэт) не только описывает то-то и то-то, а всматривается в то, как это описание происходит. Такое всматривание не всегда опознается читателем и даже исследователем. Жаккар убедительно показывает, как Набоков просмотрел у Достоевского особенности авторской организации текста. И показывает, как Виктор Шкловский, увидев «воскрешение слова» в футуристических текстах, приходит к осознанию искусства как приема (знаменитая статья Шкловского «Искусство как прием»). Ж.-Ф. Жаккар показывает, что идеи русских формалистов живы, что они коррелируют с новейшими подходами (он приводит пример близкого подхода из Роллана Барта). Но самое главное, именно Жаккар эти новые подходы ищет и находит, причем на максимально контрастных стратегиях поэтов и писателей. Набоков и Достоевский, Хармс и Пушкин, Ахматова, Хлебников, Туфанов, а еще Гоголь, Булгаков, Николай Эрдман, Леонид Липавский... Это из тех, кто попадает в название статей, а там внутри еще множество имен из русской и других литератур. Из разных эпох. Ведь эпохи не уходят окончательно. Элементы классицизма, барокко или романтизма возникают и в авангарде, а сам авангард никак не заканчивается. Книга Жаккара как раз хороша тем, что автор-исследователь чутко улавливает сложные переплетения внутри произведения и находит инструментарий, чтобы выпукло их показать. Ученый вообще не должен стесняться поверять алгеброй гармонию.

Сергей Бирюков — поэт, филолог, культуролог, саунд-поэт, перформер, исследователь и теоретик русского авангарда. Лауреат Международного литературного конкурса в Берлине, Второй берлинской лирикспартакиады, Международной литературной премии имени А. Кручёных, дипломант поэтического конкурса имени М. Волошина, лауреат премии «Писатель XXI века». Основатель и президент Академии Зауми. Кандидат филологических наук, доктор культурологии, член Русского ПЕН-центра и Союза писателей XXI века. Живет и работает в ФРГ.

**Ольга Буренина-Петрова, «Цирк в пространстве культуры»
М.: Новое литературное обозрение, 2014**

Не помню, кто из великих сказал, что цирк такое искусство, где невозможно солгать, потому что цена может равняться жизни. А то, что цирк — это явление искусства и культуры — вроде бы уже закреплено. Наверно, каждый может вспомнить свои цирковые впечатления, а также рефлексии на цирковое искусство в литературе, изобразительном искусстве, в кино. Самое демократическое, площадное изначально, искусство, одновременно самое сложное. «Ему б чего-нибудь попроще, а он циркачку полюбил,» — пел Высоцкий. Интересно, что тот, кто соприкасается с цирком, в той или иной степени становится цирковым. Цирк влюбляет в себя и сопротивляться бесполезно. Известный историк и теоретик литературы Ольга Буренина-Петрова вошла в цирковую проблематику с такой основательностью, что в результате получилась монография, охватывающая самые разные аспекты искусства цирка и его вписанности в пространство культуры. В коротком отзыве всего не охватить, но на одном моменте следует сделать акцент. Это начало XX века, когда цирковое искусство осмысляется по-новому. Художники, поэты, прозаики, театральные деятели буквально одержимы цирком, вплоть до того, что дружат с цирковыми и сами готовы выступать в цирке, да и выходят на арену. Например Василий Каменский, друживший с выдающимся цирковым атлетом Иваном Заикиным, сам выходил на манеж с чтением своей знаменитой «Сарынь на кичку!». Маяковский сотрудничал с известным цирковым артистом Виталием Лазаренко, который играл в спектакле «Мистерия-буфф», поставленным Мейерхольдом в цирковом ключе. Таких примеров в книге множество. Автор делает вывод: «По мнению футуристов, цирк — вершина не только футуристического, но и всего авангардистского искусства... Цирк — особое пространство, в котором каждый может проживать и переживать реальную опасность».

После прочтения книги я подумал о том, что в современной поэзии интерес к цирку утерян. Если, например, Семён Кирсанов называл себя «циркачом стиха», если Николай Глазков ассоциировал себя с клоуном («я поэт или клоун»), то сейчас, пожалуй, ничего подобного из современной продукции не вспомнишь. В этом смысле книга Ольги Бурениной-Петровой могла бы стать провоцирующей на новый виток интереса к цирку, да еще с фундаментальной поддержкой!

В заключение разговора о двух книгах должен объявить urbi et orbi о том, что Ольга Буренина-Петрова и Жан-Филипп Жаккар стали в этом году лауреатами Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка и соответственно академиками Международной Академии Зауми.

**Юрий Казарин, «Божья верста»
М.: Издательство Евгения Степанова, 2023**

В поэтическом мире Юрия Казарина нет места сиюминутности. Стихотворения ускользают от сознания. Их нельзя осмыслить линейно, перебегая взглядом от строки к строке. Только целиком, и то — не умом. «Не понимаю», — говорит иной читатель. И хорошо! Не понимать надо, а пропустить через себя. Слово всегда в себе содержит больше материала, чем способен извлечь из него человеческий мозг, поскольку сознание — лишь верхушка пирамиды потребностей человеческой психики. Настоящее же слово взаимодействует с ее глубокими слоями. Стихотворения Юрия Казарина транслируют читателю смыслы, находящиеся за пределами логического сознания. Неуловимое. Невыразимое. Мощное. Эти стихи «заговаривают» время, запечатлевая «остановившиеся» мгновения:

Прорвой накрыть, ордой
мошки, как смерть, густой
звездное вопрошанье:
вечное — спит водой,
думает — камышами...

Течение времени застывает, дремлет, но глубоко не засыпает, чутко реагируя на каждый шорох. Тьма крадется за читателем, дышит в спину. Тревожное ощущение: это хрупкое равновесие может в любой момент нарушиться, что-то страшное грядет, и не стоит обманываться кажущейся мирной красотой звездного неба.

«Божья верста» — книга суровая, хоть и не кричащая о том, что происходит в мире, но увидевшая свет в очень непростой для нашей страны год. Это не могло не сказаться на общем настроении сборника, несмотря на то, что поэт уходит от современного языка. Если в воздухе витает горечь безвозвратных потерь, тоска и страх за будущее, глубинные, бессознательные импульсы приобретают трагическую форму, прорываются развернутой, вроде бы отвлеченной, но такой точной метафорой. «Пуля» — одна из примет нашего сумрачного времени, которые в стихах Казарина практически не встречаются, — ранит грозным предчувствием необратимого:

Поцеловаться с кувшином,
вытянуть алый глоток
с медленным божьим аршином —
по закадычным пружинам
ходит вина кровотоков —
глиняных губ холодок:
так к винограду прижаться,
точно с планеты сорваться
пулей в висок...

Сколько же здесь смыслов! Языческое и христианское начала тесно переплетаются, кровь и вино сперва отождествляются с жизнью, однако вино — дважды символично; ближе к концу стихотворения этот образ раскрывается во втором своем метафорическом значении жертвоприношения, жертвы. Мы еще не успеваем прийти в себя от перемены смыслового ряда, но стихотворение безжалостно обрывается. В этом — могущество поэзии. Дать читателю почувствовать, как пульсирует в жилах кровь — и уколоть о слово «холодок», к которому так и просится эпитет «могильный». Смерть приходит внезапно, как антипод наслаждения жизнью. Полстроки подвисает в воздухе, а до нас словно доносится крик: «Это как же? Ведь так хорошо все начиналось! Нет, пожалуйста, не надо многоточий, я еще не хочу умирать...».

Реальность в стихотворениях Юрия Казарина уступает место силе иного порядка, надмирной, непостижимой:

Бог выпивает речку,
потом выпивает озеро, море,
затягивает уздечку
у ледника на морде,
потом выпивает слезы,
потому что зима,
и ты уходишь медленно,
как березы,
не оглядываясь, с холма,
чтобы снова сойти с ума.

Человек у Казарина — микрочастица космоса, настолько маленькая, что проявляется едва ли не эпизодически. Одухотворенные стихии взаимодействуют между собой, а «венец творения» — не более, чем ведомый. Ему отводится роль чуть большая, нежели наблюдателю этого загадочного и сложного мира. Вслушиваться, чувствовать, отражать законы материального мира, вроде круговорота воды в природе, преклоняться перед невыразимым — это пожалуйста. Но не дай Бог что-то менять в этом мире!.. Весьма скромная задача стоит перед человеком, и тот, будучи единым с миром и Богом, не испытывает никакого сопротивления. Это неудивительно, поскольку в лирике Юрия Казарина пространство безмерно, оно не вписано во временные рамки. Перед ним просто замираешь. Мне кажется, так и был задуман мир: чтобы человек смотрел на небо и ощущал всемогущество Создателя. И все же умиротворение наблюдателя мимолетно, поскольку на земле нет ничего постоянного, каждую долю секунды старая гармония отмирает, рождается новый баланс сил:

Закрой глаза — и к прорве подойдешь:
и прозревает медленная дрожь
паденья, дерева, полета —
и горечь крови обовьет
холодное неведомое что-то,

вползающее в рот, —
кристаллов шестизначная работа,
и первой речи звездная зевота —
и только бог ее произнесет.

Жизнь, смерть и любовь — триединство окружающего бытия — проявляются в поэзии Юрия Казарина не по отдельности, но как неразрывная сущность самой жизни. Они проникают в нас с рождения, а вместе с ними — множество оттенков: тревога, предвкушение, страх, трепет, радость... Сказано слово — и тут же встает перед читателем эта троица во всей своей святой простоте. Слово замолкает, ставится точка, но стихотворение продолжает звучать гулким эхом сопровождающего ее чувственного ощущения: холодок хрупкости жизни и подспудный страх неминуемой смерти, не существующие друг без друга. Цитировать эти стихи приходится целиком:

Весны лесная колесница,
сосны усохшая десница
и десны глины, и гранит —
и после смерти смерть не длится,
но повторяется и длит
свет, оторвавшийся от плит
и налипающий на лица —
на все, что любит и болит:
взлетает веткой — и летит...

Любовь здесь воздушна и созидательна. Абстрактная сущность слова «любовь», не названная напрямую и не воспроизводимая в ощущениях, реализуется с помощью метафоры: на помощь приходит осязание и зрение читателя. Вполне конкретные ощущения — свет весеннего солнца и шелест свежего ветра — шепчут нам: любовь сильнее смерти, да и никакой смерти, в общем-то, нет. Есть вечное перерождение...

Наблюдая это вечное движение, «упакованное» в многослойную метафору, читатель поневоле робеет перед богатством описывающего мир авторского языка. Разумеется, чтобы по достоинству оценить красоту этой лирики, читателю придется потрудиться. Но соприкосновение с поэзией Юрия Казарина стоит наших усилий. Реальность вечных абстрактных понятий, открывающихся читателю через язык этих стихотворений, напоминает нам об изначальной целостности мира. В том-то и ценность живого слова поэта, что сокровенное знание дается нам напрямую — вне понятий и минуя теоретическое представление.

Ольга ЕФИМОВА

**Юрий Окунев, «На перепутье»
Размышления писателя
М.: «Вест-Консалтинг», 2022**

Юрий Окунев анализирует коренные вопросы бытия, выстраивая ассоциативные очерки, объединенные в книгу «На перепутье», вышедшую в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг», в стройную последовательность — по нарастающей...

Образ Кафки, возникающий в первой части, насквозь одинокого классика, отлаживающего «Процесс», который никогда не будет завершен (поскольку продолжается вечно), разумеется, связан с анализом антисемитизма, явления паскудного и постыдного, пропитывающего действительность так, что хотелось бы иссушить эту пропитку.

Стиль Окунева своеобразно варьируется — в зависимости от силы звучания темы: он может пламенеть языками метафизического огня и вдруг делаться тише, словно замирая на перепутье.

Еврейский вопрос трагичен: погружаясь в пласты истории, Юрий Окунев рассматривает историю оного и в разрезе Холокоста, и в пространстве СССР, где в начале пятидесятых разрабатывался сочный сценарий окончательного решения...

«Космонавтика, наука и религия» называется одна из частей книги; и образ Альберта Эйнштейна, одной из коренных фигур человечества, показывается как будто выводится формула мудрости, гласящая, что увеличение знаний отнюдь не уменьшает человеческого незнания.

Интересны главы, посвященные космическому противостоянию СССР и США, интересны, насыщены фактографией, оригинально исполнены стилистически.

Финальная часть книги посвящена проблеме свободы, волновавшей (и волнующей) всех и всегда... проблеме реющей иллюзии, которой, в сущности, и является свобода.

А чудес ждать не приходится.

Только если от литературы; и книга Юрия Окунева, своеобразно сочетая жанры, хорошо показывает это.

Александр БАЛТИН

**Вера Панченко, «Стан»
М.: «Вест-Консалтинг», 2023**

Книга Веры Панченко «Стан» долго ждала своего часа. Этот сборник автор составила, выбрав стихи из ранее изданных книг и одной, так и не опубликованной. Стихи отбирались автором долго и тщательно, поскольку книга посвящена Родине. Слово «Стан», давшее название этому изданию, как мы знаем, в переводе с персидского означает «стойбище, место стоянки», а в современном значении — «станция» и «страна». Задав столь высокую планку, автор придерживается ее до конца книги. Стихотворения о России — это и размышления о месте человека в этом мире, о связи каждого из нас с родной страной, и духовная, и пейзажная лирика. Так, например, начинается описание короткого сибирского лета:

Вся Сибирия в лето одета,
Как сиреневый змееголов,
Опускается солнца пальметта,
И гамак предвечернего света
Провисает меж тонких стволов.

Родина начинается с семьи. Для маленького ребенка Родина — это мама, папа, бабушки, дедушки. Это те, кто рядом изо дня в день, кто заботится и поддерживает человека с рождения. Вера Панченко в стихах очень трогательно отзывается о родителях. С первой строки удивляет стихотворение об отце:

Христос стоял у верстака,
Сбивая в кровь ладонь.
Болела юная рука —
Земных азов огонь.

Это проникновенное стихотворение отражает жизненную позицию автора. Если что и делать, если работать, то с Божьей помощью. Через общую профессию — плотницкое дело — отец лирической героини Веры Иосифовны оказывается причастен ко Христу. Это написано очень просто и красиво, без громких оборотов. Благодать даруется не каждому, но каждому под силу жить просто, в меру своих сил трудиться, радоваться каждому дню и быть благодарным за то, что имеешь.

Стихи Веры Панченко наполнены идеями сострадания и милосердия, будучи подчинены православному восприятию мира. Будущее, при всей неопределенности и напряженности настоящего, не пугает автора. Так может писать только глубоко верующий человек:

Воскреснут небесные силы —
Душевные силы щедры.
Ах, как поселенья красивы,
Где в центре — живые шатры.

Храмы символизируют спокойствие, умиротворение и чистоту. Давным-давно поселения строили так, что все дороги вели к храму. Сейчас такое трудное время, что пора вспомнить об этом. Замечательно, что автора интересуют не церкви сами по себе, а их место в современности. Сознание определяет бытие: с верой легче преодолевать как повседневные трудности, так и общенациональные бедствия. Вера Панченко знает это не понаслышке, она живой свидетель военных лет. Ее трогательное стихотворение напоминает нам о том, что трудно переоценить подвиг воинов отгремевшей войны:

Я живу в прожекторах Победы,
Их не гасит вереница дат.
Светит майский день — он заповедан
И мобилизован, как солдат.

Проходит время, но День Победы остается символом единства русского народа, поскольку историческая память — это не просто сухой набор фактов. В ней отпечатываются те события, которые становятся фактами собственной биографии человека. Эти события не забыть, не вычеркнуть. Никогда прежде люди не ощущали такую общность судьбы. Никогда не было такой решительности положить все силы, а если нужно — пожертвовать жизнью во имя Победы. Память о тех, кто отдал свои жизни, защищая Родину, живет и навсегда останется в наших сердцах. Автор заканчивает стихотворение, посвященное Празднику Победы, уверенностью в неразрывности межпоколенческой связи, единстве всех трех модусов исторической памяти — прошлого, настоящего и будущего:

Наши силы, бывшие под спудом,
Он вобрал в себя — и сверх того...
Поколенья, кровные, — сосудом
Чувствуют Победы естество.

История — это, в первую очередь, люди. Вера Панченко остро ощущает свою причастность к русскому народу. Ее книга напоминает нам о том, что какие бы потрясения ни испытывали русские люди, связь поколений восстанавливается. И самое главное: автор транслирует веру в торжество справедливости, без которой не может быть веры в Бога.

Ольга ЕФИМОВА

Тираж 500 экз.
Отпечатано
в ООО «Вест-Консалтинг»,
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12.